

INSPIRIA

ЛЕЙЛА АТТАР

53 ПИСЬМА

моему
людиному

18+

INSPIRIA

Novel. Темная романтика

Лейла Аттар

**Пятьдесят три письма
моему любимому**

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Аттар Л.

Пятьдесят три письма моему любимому / Л. Аттар — «Эксмо»,
2014 — (Novel. Темная романтика)

ISBN 978-5-04-166980-5

Шейда и Трой родились в один день в разных концах земного шара. Он — баловень судьбы, человек с большими деньгами и талантами. Она — беженка, покинувшая родной Иран и обосновавшаяся в Канаде. Девушка из хорошей семьи, которой пришлось выйти замуж по договоренности. Между Шейдой и Троем пропасть, но именно в ее глубинах и зарождается настоящее чувство. История их любви охватывает три десятка лет, множество встреч и писем. Но может ли быть у нее счастливый финал? «Вау! Сексуальный, дерзкий, очень мощный дебют. История о запретном романе длиной в три десятка лет». — Aestas Book Blog «Современная история любви, очень живая и естественная». — Indie Reader «Романтическая проза с двойным дном... сюжет то и дело удивляет». — Kirkus Review Лейла Аттар — автор бестселлера «Бумажный лебедь», который после релиза моментально занял верхние строчки в рейтингах The New York Times, USA Today, The Wall Street Journal. Лейла Аттар пишет истории о любви — психологичные, многогранные, с неожиданными сюжетными поворотами. Это ее главное хобби. Порой Лейла пропадает в пучине Интернета, откуда, впрочем, ее всегда можно выманить шоколадкой. «Пятьдесят три письма моему любимому» — дебютный роман Лейлы Аттар, который принес ей международную известность.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-166980-5

© Агтар Л., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1. Вот и мы	9
2. Ноябрь	16
3. Поцелуй меня	18
4. Земля и небо	20
5. пляж	26
6. Почти на месте	31
7. Свекольная бабочка	33
8. Не так	38
9. Посейдон	41
10. Пуганица	52
11. Фейерверк	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Лейла Агтар

Пятьдесят три письма моему любимому

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Leylah Attar 53 LETTERS FOR MY LOVER

Copyright © 2014 by Leylah Attar

© Бялко А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ЛЕЙЛА АТТАР

53 ПИСЬМА

*моему
любимому*

INSPIRIA

Москва
2022

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СЕМЬЯ ШЕЙДЫ:

Али Каземи (Баба) – *отец Шейды*
Мона Каземи (Мааман) – *мать Шейды*
Хуссейн – *брат Шейды*
Адель – *жена Хуссейна (золовка Шейды)*
Кайла, Этан и Саммер – *дети Хуссейна и Адель*
Заррин – *сестра Моны (тетя Шейды)*

СЕМЬЯ ХАФИЗА:

Камаль Хиджази (Педар) – *отец Хафиза*
Насрин Хиджази (Ма) – *мать Хафиза*
Наташа и Заин – *дети Шейды и Хафиза*

СЕМЬЯ ТРОЯ:

Генри Хитгейт – *отец Троя*
Грейс Хитгейт – *мать Троя*

ОСТАЛЬНЫЕ:

Паша Моради – *друг Камалы Хиджази*
Боб Уортинг – *работодатель и наставник Шейды*
Элизабет Уортинг – *жена Боба*
Джейн Уортинг – *дочь Боба, лучшая подруга Шейды*
Мэтт Кэвелри – *муж Джейн*
Брэди и София – *дети Джейн и Мэтта*
Райан Уортинг – *сын Боба, брат Джейн, студенческий друг Шейды*
Эллен Уортинг – *жена Райана*
Терри и Алисса – *дети Райана и Эллен*
Натан – *бойфренд (и потом муж) Наташи (зять Шейды)*
Фарназ – *кузина Хафиза*
Бехрам – *муж Фарназ*
Марджана – *бывшая жена Хуссейна*
Аму Реза – *отец Марджаны*

1. Вот и мы

18 июня 1995 года

Когда я увидела его в третий раз, спустя двенадцать лет после той душной, липкой июльской ночи, он целовал Джейн. Я застыла у двери, глядя на силуэты, слившиеся в объятии на фоне ярко освещенной арки окна. Я отступила назад, не желая прерывать такой трогательный момент между женихом и невестой. Но что-то меня все же зацепило. Мэтт не вызывал в воздухе таких вибраций, не распространял вокруг себя этих стремительных темных лучей, выманивающих меня из тени на свет. Нет, это не Мэтт. Трой. Трой Хитгейт, целующий мою лучшую подругу за несколько минут до начала ее свадьбы.

Во мне тут же началась война – две части моего сознания, бряцая оружием, сбегали с холмов в долину, узкую, как та дверная щель, через которую я глядела. Мне хотелось ворваться туда и спасти Джейн от порабощения этим темным чародеем, каким он и был, но я замерла на пороге, цепляясь за потрепанные знамена самосохранения.

Исчезли потрепанные кроссовки и пыльная куртка. Классический пиджак подчеркивал невозможно широкие плечи. Лохматую копну волос укротила изящная дорогая стрижка. Я видела все того же мощного, крепкого мужчину, да еще с элегантною внешностью. Вздрогнув, я уронила руку, державшуюся за дверь.

Вот он. Тот самый дурацкий, необоримый стук сердца. Это уничтожило Мааман и Баба, это отправило Хуссейна в бега, это раскидало нас четверых по всему свету. Я стиснула золотой ободок на пальце. Я больше не позволю этой тьме коснуться моего дома.

Я следила, как пальцы Троя, скользнув по шее Джейн, зарылись в ее волосы. Повернув ее голову вбок, он прошептал что-то ей на ухо. Она уставилась на него, а затем, моргнув, с силой ударила его по лицу. Но удар не произвел на него впечатления. С едва заметным восхищением он медленно взял ударившую руку и поднес к губам. Затем, оправив пиджак, Трой направился к выходу.

Я отпрянула за дверь и прижалась к стене, пока мимо меня скользнули без малого два метра мужской квинтэссенции, оставив за собой легко узнаваемый шлейф аромата власти и дорогого одеколona. Постукивая ботинками по гладкому мраморному полу, он прошел в банкетный зал – спокойный, уверенный и совершенно невозмутимый. Прислонившись затылком к стене, я выдохнула.

– Шейда? Это ты? – услышала я голос Джейн.

Черт. Собравшись с силами, я вошла в комнату.

– Ты даже не представляешь, что сейчас случилось. – Она порывисто обняла меня.

– Знаю. Но сейчас не время. – Я развернула ее, чтобы она увидела – к нам подходили ее родители.

– Милая, – Элизабет схватила дочь за руки. – Уже пора.

– Не могу поверить. – Боб обнял дочь и нежно прижал к себе. – Моя маленькая девочка. Я сглотнула. Как бы я хотела видеть своих родителей рядом в день моей свадьбы.

– Папа! – фыркнула Джейн, вырываясь из его рук. – Ты помнешь мне прическу!

– Я? – рассмеялся Боб. – Да меня, похоже, уже кто-то опередил. – Он дернул ее за выбившуюся прядку.

Мы с Джейн обменялись взглядами. Мы-то знали, кого винить.

– Почти незаметно, – сказала я. – Но вот помаду надо подправить.

– Сейчас. – Элизабет взяла сумочку Джейн.

– А я лучше пойду к гостям, – сказал Боб. – Составишь мне компанию, Шейда? – И предложил мне руку.

Я взглянула на Джейн.

– Все в порядке, – заверила она. – Можете идти.

Боб провел меня через изящно украшенный банкетный зал к семейному столу.

– Мы что, тут только одни? – спросил он у Райана. Остальные столы были заполнены смеющимися, разговаривающими, передвигающимися туда-сюда людьми.

– Пока да, – сказал Райан. – Эллен в дальней комнате, занята чем-то таким, что полагается подружкам невесты. Я думал, ты там, Шейда.

Облаченный в костюм, брат Джейн выглядел точной копией своего отца.

– Толпа и речи не для меня, – ответила я. – Так что твоя жена стала спасительницей. Как прошла дорога из Оттавы?

– Отлично. Дети проспали большую часть пути. Но теперь наступила расплата. – Он указал на двух девочек, носящихся кругами по пустому бальному залу.

– Вау, – рассмеялась я. – Как они выросли.

– Да уж, это точно. А как ваши?

– Ну Наташе одиннадцать, а Заину девять.

– Ты не взяла их?

– Они остались с мамой.

– А Хафиз?

– Его нет в городе, – ответила я.

– Все та же безумная работа?

– Все та же.

– Шейда, ты знакома с другом Райана по университету? – спросил Боб, озираясь. – Где он? Эй, Трой. Трой!

Нет. Пожалуйста, только не это. Но Боб уже подзывал Троя жестом.

Я уставилась на украшенную монограммой коробочку, стоящую на столе. Витыми серебряными буквами на ней значилось: «Дж&М». Когда Трой Хитгейт остановился возле моего стула, я почувствовала, как вздыбились волоски на задней стороне моей шеи.

– Трой, познакомься, это Шейда, подруга Джейн. И моя лучшая ученица. Она начинала моей помощницей, а теперь сама – один из лучших риелторов.

Растянув губы в ненатуральной улыбке, я поднялась.

– Пап, да они знакомы, – сказал Райан. – Тот фейерверк в День Канады. Трой, помнишь?

– Да. – Что-то мелькнуло в этой сияющей океанской голубизне. – Помню. – И его улыбка самую малость дрогнула перед тем, как он протянул мне руку.

Едва соприкоснувшись ладонями, мы отдернули руки, словно коснувшись оголенного провода.

– Трой только что снова перебрался сюда из Нью-Йорка, – начал говорить Боб.

Это было неважно.

Было совершенно неважно, что кто-то говорил или делал. Только бы Трой Хитгейт перестал на меня так смотреть. За прошедшее время его взгляд превратился в лазерный луч, который обращал смутные воспоминания о нем в клубы серого дыма. Пуф! – и все. Нету. Исчезло. Растворилось. Уничтожено. Разве у черно-белой радуги есть шансы против той, что сияет драгоценным цветом?

– Внимание, вот они! – В зал вошла Элизабет.

Мы все обернулись на входящих в зал Джейн и Мэтта. Я смотрела на них поверх плеча Троя и не могла отвести глаз от его волос, касающихся края воротника. Он подвинулся, положил руку мне на спину и продвинул чуть вперед, откуда было лучше видно. Легчайшее из прикосновений – но все во мне оцетинилось. Как он смеет целовать Джейн? Как смеет стоять у меня за спиной, аплодировать и кричать, как будто не предавал многолетнее доверие ее семьи?

– Вот ты где. – Длинные алые ногти легли ему на рукав, и красotka с каштановой шевелюрой скользнула мимо, встав рядом с ним. – Не забыл ли ты обо мне? – промурлыкала она.

Ну конечно. Он не один.

– Хизер, – улыбнулся он. – А где Фелиция?

– Я тут, дорогой, – пропела медовым голосом еще одна богиня, оставляя на его щеке ярко-розовый отпечаток губ. Хм. Он даже и не вдвоём.

Аплодисменты стихли. Пришло время занять свои места. Слава богу. Сейчас он куда-нибудь уйдет.

Он проводил своих дам к другому концу стола и усадил на пустые места рядом с Райаном.

Нет. Нет-нет-нет-нет-нет.

Мы просидели друг напротив друга все речи, и танцы, и тосты – я между Бобом и одной из малышек Райана; он – между красоток-близняшек.

– Так расскажи же, чем ты таким занимаешься? – сказал Боб в конце ужина. – Что это за «Интернет», о котором я столько слышал?

– Это, в сущности, очень просто, – ответил Трой. – Система компьютерной связи, которая дает возможность общения людям по всему миру. Она существует уже некоторое время, но интересной стала только недавно. Моя компания разрабатывает и внедряет протоколы безопасности для предприятий, которые хотят быть представленными в Сети так, чтобы важная информация, которой они обмениваются в Интернете, была защищенной.

– Это так быстро развивается, – сказал Райан. – Фирма Троя процветает, и ему пришлось открывать представительство тут, в Торонто, чтобы охватить канадских желающих присоединиться.

– Ну это все замечательно, – сказала Элизабет, когда Хизер и Фелиция ушли в дамскую комнату. – Но мне хотелось бы знать, когда же ты наконец остепенишься?

– О, мам, нет-нет-нет, – воздел руки Райан. – Ты что, не видишь, какие у него девушки? Трой, дружище, не слушай, живи на всю катушку. За нас обоих. – И чокнулся с ним.

– Я только говорю, – продолжила Элизабет, – что все это хорошо и весело до тех пор, пока кто-нибудь не украдет твое сердце прямо у тебя из-под носа. Так что вы бы задумались, молодой человек.

– Ну не знаю, – ответил Трой, вращая бокал. – А ты что думаешь, Шейда?

Он произнес мое имя так, словно уже долго держал его во рту, пробуя на вкус, перебирая языком каждую гласную, каждую согласную перед тем, как выпустить его наружу с этим мягким «а-а-ах».

Я что, только одна это услышала? Правда? Шейда-а-а-а-а-х.

Подняв глаза, я обнаружила, что он наблюдает за мной. Пристально. Словно я какое-то насекомое, которое он пришил на пробковую доску с ярким ярлычком внизу.

– Эй! – К нашему столу подошли Джейн с Мэттом. – А почему никто не танцует? Давайте. Пойдем, пойдем!

Джейн казалась радостной и расслабленной, как будто ей и вправду было хорошо. Я снова украдкой взглянула на Троя. Никакой реакции. Как будто все, что между ними произошло, мне просто привиделось.

Райан с Эллен вместе с детьми пошли танцевать вслед за женихом и невестой. Хизер и Фелиция вернулись, хихикая. Ничто так не объединяет, как совместный выход в туалет. Они увели Троя, повиснув на нем с двух сторон.

Элизабет отказалась идти, указывая на свою наполовину полную тарелку. – Пригласи лучше Шейду, – сказала она Бобу.

– Нет, спасибо, – ответила я. – Я предпочитаю сидеть и смотреть.

– Как угодно, – ответил Боб. – Но я вижу, что сюда идет Милтон Мэлоун, и что-то подсказывает мне, что не меня он хочет пригласить на танец.

– О, Боб! Зачем ты вообще его позвал?

– Я пригласил многих своих клиентов.

– Идем, – я схватила его за руку, и мы пошли танцевать.

– Она выбрала отличное место, – сказал Боб.

Я кивнула. Несмотря на серьезные переделки интерьера, изящный особняк, который Джейн выбрала для свадьбы, сохранил атмосферу гламура и романтики 1920-х годов.

– Вот тут я буду праздновать свою свадьбу, – сказала она, когда владелец показывал нам запущенный сад. – А там у нас пройдет прием.

Вечером, с мерцающими свечами и кремовыми парчовыми шторами, комнаты казались еще красивее.

– Ты это специально? – спросил Боб.

– Что?

– Одеюсь в тон месту.

Я рассмеялась, потому что надела платье до колен, сочетающееся цветовой гаммой с мягкими тонами комнаты.

– Думаю, вам надо пригласить на этот танец Элизабет, – сказала я, когда диджей поставил медленную музыку.

– Лиз уже выбрала партнера, и, похоже, ей слишком хорошо, чтобы я им мешал.

– А где она? – рассмеялась я, обернулась – и обнаружила прямо перед собой Троя Хитгейта.

– Не возражаете, если я разобью вас? – спросил он у Боба. Это было заявление, а не просьба. – Спасибо за танец, Лиз.

– Нет-нет, это тебе спасибо. – Она помахала веером. – Надеюсь, ты сможешь выступить на том же уровне, – сказала она Бобу, а он в ответ хлопнул ее по заднице. Они радостно закурились в танце.

Трой сжал в руке мои пальцы, а другой обхватил меня за талию. Сладкие ноты тенора смешивались с низкими нотами бэк-вокала. «Полюби кого-нибудь», – тянули они.

Трой безупречно вел меня в медленном, плавном ритме. Он снял пиджак. Сквозь тонкую хлопковую сорочку я чувствовала тепло его тела – каждый поворот, каждый наклон, каждое движение твердых мускулов. Не поднимая глаз, я смотрела на его воротник, на расстегнутые пуговицы, свободно растянутый галстук – словно ему были невыносимы любые ограничения. В выемке между ключиц я заметила серебряный крестик. Кое-что остается неизменным.

– Ну, – его выдох приподнял локоны у меня на шее. – Вот и мы, миссис Хиджази.

– Ты помнишь... – Слова вырвались у меня раньше, чем я успела задержать их.

– Конечно. – Как будто и не могло быть иначе. – Так это девочка, с волосами цвета заката, как ее мать?

– Да, – ответила я. – Но она больше похожа на своего отца.

Мы медленно кружились, вспоминая другую ночь, ту, в которой мы танцевали под ярким, пронизывающим светом между рядами журналов, туалетной бумаги и жевательной резинки.

– Шейда, ты счастлива?

Одна секунда. Больше не нужно. Это секундное колебание с моей стороны.

Когда Наташе исполнился год, мы с Хафизом пошли смотреть «Ночь страха». Джерри Дэндридж играл там мрачного, соблазнительного вампира, который не мог переступить порог, если его не позвать.

И вот спустя десять лет я снова тут. И Трой Хитгейт у меня на пороге.

Впусти меня.

Я запнулась.

Интересно, сколько жизней может промелькнуть перед тобой в одно мгновение.

– Розы. – Улыбаясь, он покачал головой. – Я чувствую запах роз.

– Я не пользуюсь духами.

– Знаю.

Его взгляд скользнул по моим губам, задержавшись на еле заметном серебристом шраме. Мое сердце забилося.

– Тебя ждут твои дамы, – сказала я.

Хизер и Фелиция, повернувшись на стульях, неотрывно следили за каждым нашим движением.

– Пусть подождут.

Мы двигались по залу, кружась среди прочих пар. Танцевать с ним было бы легко, если бы только мне удалось расслабиться.

– Ну что? – спросила я, когда выносить его взгляд стало слишком трудно.

– Я и сам пытаюсь это понять, – ответил он. – Что. Что в тебе такого, Шейда Хиджази? В форме твоих глаз, носа или лица нет ничего особенного. Но когда смотришь на них одновременно, происходит нечто экстраординарное. Все смешивается. Этот рот, похожий на бутон розы, не подходит энергии, что бурлит в этих глазах цвета турецкого кофе. Твои брови. Этот их гордый изгиб. Совершенно не подходящий к этому скромному носику. А когда ты отворачиваешься, то кажется, что с твоих ресниц сейчас посыплется сажа и испачкает эти невинные щеки. Ты – скопище противоречий, Шейда. Стальной стержень, скрытый под изящными изгибами форм.

– Это называется хребет, Трой. У тебя-то, похоже, его нет. Или же тебя просто тянет к замужним?

– Меня ко всем тянет, – рассмеялся он. – Ах, женщины, прекрасные создания, все и каждая. Замужним? Ну, может, к одной...

– Значит, только к Джейн?

Надо отдать ему должное. Он даже не моргнул. Или не дрогнул.

– Значит, ты видела, да? – Его глаза зажглись скрытой радостью. – И что, Шейда, это оскорбило твои чувства?

– Думаешь, это смешно? – вспыхнула я. – Интересно, что бы сказали Боб или Райан, если узнали бы.

– На твоём месте я бы никому не говорил, – его пальцы на моей талии напряглись.

Песня кончилась, но воздух между нами дрожал.

– Хочу сесть, – сказала я.

– А знаешь, что я хочу сделать? – Он явно не собирался отпускать меня. – Я хочу распустить этот тугой узел, чтобы все твои кудри рассыпались. Хочу увидеть, как бы ты выглядела, если бы не была так безжалостна к себе, Шейда.

Я стряхнула с себя его руки.

– Держись от меня подальше, Трой. И от Джейн тоже.

Повернувшись, я пошла к нашему столу, чувствуя, что он идет за мной следом.

– Куда это ты направляешься? – Хизер преградила ему дорогу и увлекла обратно в балльный зал.

– В нем столько альфа-самца, правда? – сказала Фелиция, когда я рухнула на свой стул. – Если уж Трой Хитгейт выбрал тебя, тебе конец. Даже если знаешь, что это очень-очень вредно, все равно это так... так хорошо.

Не могу поверить. Общество восхищения имени Троя Хитгейта.

– Как вам это удастся? – спросила я. – Как вы его... делите?

– Да погляди на него, – ответила она. – Лучше уж получить хоть кусочек, чем совсем ничего.

Мы смотрели, как он, слегка склонившись, слушает, что Хизер шепчет ему на ухо.

– Мне надо выпить. – Фелиция поднялась с места.

Женщины не любят делиться, как бы ни старались убедить себя в обратном.

Я заметила, что к нашему столу направляется Милтон Мэлоун. Убегать было слишком поздно, так что я просто отказалась от танца и подверглась беседе. Немного погодя меня спас Боб.

– Тебя ищут Джейн и Мэтт, – сказал он. – Привет, Милтон. Как дела?

Я направилась к главному столу, чтобы попрощаться.

– Что? Невозможно! – сказала Джейн. – Да мы только начали.

Она снова вытащила меня в танцевальный зал. Было весело, пока я не заметила, что на меня смотрит Трой Хитгейт. Всякий раз, когда я оборачивалась, он оказывался рядом и провожал меня задумчивым взглядом. Пил за стойкой бара и смотрел на меня. Слушал своих дам и смотрел на меня. Крутил в руках бокал и смотрел. Как охотник, отслеживающий добычу. Наблюдает и выжидает.

Когда все вернулись к столу, я с трудом стояла на ногах.

– Мне надо забрать детей, – сказала я, собирая свои вещи.

– Не забудь забрать цветы. – Элизабет указала на букет кремовых орхидей, стоящий посреди стола в хрустальной вазе.

– А я думал, этот букет положено отдавать тому, чей день рождения ближе всего к дате свадьбы, – сказал Райан.

– Ну да. Это и есть Шейда, – ответила Элизабет.

– Нет. Это Трой.

– Шейда.

– Трой.

Элизабет вздохнула:

– День рождения Шейды был вчера.

– Ничего себе! И у Троя тоже вчера! – Райан, засмеявшись, хлопнул по столу. – У вас что, дни рождения в один день? – Он поглядел на Троя, а потом на меня.

Трой с каким-то странным удовольствием наблюдал мою неловкость. А может, он всегда так выглядит, когда напьется?

– Ну, Шейда, что скажешь? Хочешь, поборемся? – и он выставил руку локтем на стол.

Он слегка запинался. Хм, слегка.

– Тогда как насчет года рождения? – предложила Элизабет. – Трой?

– 1962.

Тысяча девятьсот шестьдесят второй.

– Шейда? Можешь не называть, просто скажи, до или после? – спросила она с деликатностью, вызвавшей у меня улыбку.

– Тот же, – ответила я.

Элизабет выпрямилась на стуле.

– Это надо же.

– А моя бабушка говорила, что люди, родившиеся в один день, это половинки одной души, – сказала Хизер.

– Слышишь, Шейда? – Трой оперся щекой на согнутую руку. – Мы с тобой родственные души.

Все рассмеялись. Он звучал, как Шон Коннери на Страш-шно секретной с-служ-ж-жбе ее велитш-шества.

– Ладно, я пойду, – сказала я.

– Извольте. – Он взял орхидеи и поднялся, на удивление прочно стоя на ногах. – Я все равно предпочитаю розы-колючки.

Я протянула руку к букету.

– Я провожу, – сказал он, отводя цветы в сторону.

– Это необязательно.

– Но я настаиваю. – Он указал на дверь.

Милтон Мэлоун выдохнул себе в ладонь. Так-то он неплохой мужик, правда. Трой был гораздо хуже, но он мог обаять даже пингвина.

Господи, как же мне не хватает Хафиза!

Трой провел меня в гардероб и подождал, пока я найду свою накидку.

– Вот, – он помог мне надеть ее, пока я искала в сумочке ключи.

Его рука коснулась моей шеи и замерла там на долю секунды дольше, чем было необходимо. А потом я ощутила на коже еще что-то теплое и мягкое.

Я обернулась, схватившись рукой за шею.

– Ты что?..

– Я сожалею. Наверное, мои губы... – он указал на свой рот, а потом на мою шею.

– Вовсе ты и не сожалеешь!

– Ну да, не совсем, – ухмыльнулся он. Довольно кривовато.

– Ты пьян. – Я все еще чувствовала, как мою кожу жжет и покалывает.

– Виновен. – Поднял он руку.

– О, Шейда. Вы уже идете? – с нами поравнялся Милтон Мэлоун.

– Да. До свидания, Милтон.

– Да, Милтон, до свидания. – Трой взял мятную жвачку из вазочки на стойке и протянул ему.

– Отсюда я дойду сама, Трой, – сказала я.

– Как вам будет угодно. – Он вручил мне вазу с букетом и распахнул передо мной дверь.

Я вышла на улицу, радуясь легкой прохладе ночного воздуха. Он последовал за мной.

– Я же *сказала*, что отсюда дойду сама, – устала я на него.

– Я просто вышел покурить, – ответил он, вытаскивая пачку сигарет.

Как же, покурить. Я сделала большие глаза.

Я перешла парковку, постоянно чувствуя, что он следит за мной, и не переводила дыхания, пока не оказалась в машине. Надеюсь, в следующий раз мы встретимся еще через двенадцать лет. Может, к тому времени у него все зубы будут желтыми от табака. А из ушей вырастут жесткие клочья волос. И, Господи, пожалуйста, пусть у него будет пивное брюхо. Да, вот именно, пивное брюхо.

Выезжая с парковки, я видела красную искорку его сигареты. Темный силуэт следил за мной со ступенек, пока задние огни моей машины не исчезли в ночи.

2. Ноябрь

19 июня 1995 года

До дома Мааман я добралась уже после полуночи.

– Они давно спят, – сказала она, когда мы зашли взглянуть на детей.

Я погладила их по головкам. Детские волосы пахли невинностью, доверием и пушистыми плюшевыми мишками.

– Почему бы тебе тоже не остаться? – спросила Мааман.

Но от одной мысли о том, чтобы спать рядом с матерью, зажатой между туго натянутых простыней в цветочек, я преисполнилась ужаса.

– Я заберу их с утра. Ты сможешь собрать их в школу?

Мааман только пожала плечами. Она никогда не беспокоилась о деталях. Все вещи всегда выстраивались, как надо, все люди делали то, что она хотела. Включая Баба. Пока она с ним не развелась.

– Тут я не должна все это терпеть, – заявила она спустя год после их отъезда из Тегерана.

Конечно, она рассчитывала на Хуссейна. Он останется с ней, он будет о ней заботиться.

Мааман налила мне чашку кофе. Она выглядела королевой даже в бигуди и ночной рубашке до щиколоток. Букет орхидей стоял незамеченным на полочке в прихожей. Он больше подходил Мааман, чем мне. Рядом с ней я была, как ноябрь месяц, унылая и бесцветная.

Мы сидели молча. Большие стоячие часы отсчитывали секунды. Лампа над столом проливалась на нас круг желтого света. Остальной дом тонул в неясной темноте.

– Тебе надо бы найти себе приятеля, – сказала Мааман, вырезая из газеты купон. – Тебе нужна курица? На нее скидка.

Я подавилась кофе.

– Что?

Она постучала пальцем по газете.

– Курица. Без кожи и костей.

– Нет, не это.

– А, приятель? Ну да, а почему нет? – Опустив ножницы, она посмотрела на меня. – Они-то делают так постоянно. Все мужчины, каких я знаю. Мой отец, твой отец, твой брат.

– Ну и посмотри, что случилось. – Я резко отодвинула свой стул от стола. – Хафиз не такой, как они.

– И ты думаешь, это тебя спасет? – Горький смешок женщины, жизнь которой полна разочарований. – Мы с твоим отцом, ты же знаешь, были особенными. Мы так ярко пылали, что нам завидовали даже звезды. Но, может, ты знаешь что-то, чего не знаю я. Может, если не пылать, то и не сгоришь.

– Ну у меня не было особого выбора, верно?

– Теперь есть.

Я знала, что она говорит так только потому, что думает – я никогда так не поступлю. Это было ее способом избавиться от чувства вины, используя меня в качестве оправдания переезда, чтобы оставить жизнь, ставшую ей невыносимой. Если бы я не вышла замуж за Хафиза, мы до сих пор бы жили в Иране. Но она это сделала не в одиночку. Я подыгрывала ей. И еще столько всего от нее скрыла. Какой смысл делиться темными, гадкими тайнами, которые лучше оставить в прошлом?

– У меня есть то, что я хочу, Мааман. Я счастлива с Хафизом.

– Хм. Ну конечно, счастлива. Ты с кем угодно была бы счастлива. Ты всегда считала, что тебе никто ничего не должен.

Я тяжело вздохнула.

– Мааман, *чего* ты от меня хочешь?

– Ничего. – Она снова занялась своими купонами. – Ничего я от тебя не хочу.

Я поглядела через пустой деревянный стол на свою стареющую мать. Она права. От меня она ничего никогда не хотела. Она хотела не от меня. Она всегда удивлялась, когда няня брала выходной, словно вообще не помнила о моем существовании.

– Ну, – я поднялась, – я это все, что у тебя есть. – Я подошла к раковине и вымыла свою чашку. Вода за секунды из ледяной стала почти кипятком.

– Оставь. – Мааман схватила губку и отодвинула меня. – Это меня бесит. Ты даже чашку кофе выпить не можешь без того, чтобы не убраться за собой.

Я подавила привычный всплеск боли и вытерла руки.

– Спасибо, что присмотрела за детьми.

– погоди. – Она протянула мне желтый конверт, который висел на холодильнике на розовых магнитиках. – Они сделали это для тебя.

Внутри лежал листок разлинованной бумаги, сложенный пополам, как открытка.

«С Днем Рождения, Мам!» – было написано там. Четыре человечка с огромными головами держались за руки перед кривым домишком. Под ногами у них зеленели пики травы, над головой сияло желтое карандашное солнце.

«Мы тебя любим», – было написано поперек всего неба аккуратным почерком Наташи, тем, который она приберегала для самых важных случаев.

– Что там? – спросила Мааман.

– Ничего, – улыбнулась я, убирая бумагу обратно в конверт. – Хафиз не звонил?

– Нет. А ты ждала его звонка?

Хафиз никогда не помнил ни дней рождения, ни годовщин.

Я направилась к двери.

– Увидимся утром.

– Приезжай пораньше, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты позвонила Хуссейну.

Мой брат, ее любимец.

А я – просто секретарша у двух Важных Персон.

* * *

«Хуссейн, Мааман хочет с тобой поговорить», – вот так это происходило.

Я всегда чувствовала, как он несчастен, представляла, как он расправляет плечи перед готовой обрушиться на него волной вины.

Мааман выбрала ему самую красивую девушку, цветок Тегерана.

– Пусть у меня будет много внуков, – говорила она.

Но ничего не вышло. Хуссейн влюбился в кого-то, в кого не должен был. Он оставил жену, сказал «прощай!» и уехал в Монреаль. Теперь у него было трое детей. Пять лет назад он прислал нам фотографию своего старшего. Мы стали для него тенью из прошлой жизни.

– Мааман, он любит тебя, – говорила я, когда она особенно сильно переживала.

– Какой толк от любви, если ее не видно?

3. Поцелуй меня

21 июня 1995 года

– Трой Хитгейт на третьей линии, – сообщила мне Сьюзен.

Я уставилась на мигающий красный огонек.

Не снимай трубку. Не снимай. Не снимай.

– Доброе утро. Шейда Хиджази, – сказала я самым профессиональным голосом.

– Шейда-а-а-а-х-х, – так лениво, хрипловато, типа «я-только-проснулся», что я почти увидела его в постели. – Я ищу жилье. Лофт или кондо. В центре. Я бы хотел, чтобы ты помогла мне.

– Прости, Трой. – Я с силой нажала кнопку на ручке. – Но мой список клиентов переполнен.

Долгая пауза.

– Правильно ли я понял, – голос в трубке стал стальным, – что ты отказываешься со мной работать?

– Я... Хм-м... – Я крутила в пальцах телефонный шнур, изо всех сил желая, чтобы связь прервалась.

– Ясно.

Связь прервалась.

Я с усилием разжала руку, сжимающую трубку.

Это было просто. Я еще раз взглянула на телефон.

Слишком уж просто.

* * *

Спустя час он ворвался в мой офис и закрыл за собой дверь. Майка с треугольным вырезом, потрепанные джинсы, серебряная пряжка ремня – словно он только сошел с рекламы *Levi's*.

– Что... Что ты тут делаешь?

– Пришел к тебе, не так ли? – Прислонившись к двери, он скрестил руки на груди и уставился на меня в упор изучающим взглядом.

– Ты о чем?

– Единственная причина, по которой ты отказалась со мной работать, та, что ты боишься. – Он сделал пару шагов в мою сторону.

– Это просто смешно! – Я возблагодарила того, кто придумал делать кресла на колесиках.

– Чушь! – Его руки ударили по столу.

Я стиснула края папки, которую держала в руках.

– Шейда, поцелуй меня. – Его голос был густым, как медленно текущий сироп. – Это просто не может быть так прекрасно, как я себе представляю. Я уйду отсюда, и мы оба будем свободны.

Он наклонился вперед, расставив руки во всю ширину стола. Я увидела на его бицепсах одинаковые татуировки. Темно-синие витки колючей проволоки выглядели как короны из шипов. Я была готова поспорить, что он никогда в жизни ничего не приносил в жертву. Невзирая на крест, висящий на шее. Нахмурившись, я взглянула ему в глаза.

Большая ошибка.

Так вот что это такое, когда тебя засасывает в крутящийся водоворот торнадо. В один момент меня закружило в невозможно темном кольце вокруг ярко-голубых зрачков, а в следующий – все померкло в затеплившейся чувственности его губ.

Сколько ударов сердца нужно, чтобы пересечь расстояние в тридцать сантиметров? Сжать это напряженное, гудящее, покалывающее поле между нами?

Он ждал, не шевелясь и не дыша.

Я, не думая ни о чем, двигалась.

Что угодно, лишь бы избавиться от этой безумной, мощной тяги, существующей между нами.

Первое касание наших губ – я думала, оно будет как ярко-белый удар тока, но нет. Оно оказалось мягким, легким и очень-очень тихим.

«Ха! – возрадовалась я. – Я могу это сделать. Могу разорвать заклатье».

Моя радость продолжалась секунды две. Пока его руки не дотянулись до меня, не обхватили мое лицо. И он не поцеловал меня в ответ.

И вся эта пляшущая, обманная, затаившаяся в ожидании энергия не взорвалась. Она проникла мне в кровь, захлестнула меня изнутри. Я отпрянула, но он не отпускал меня, удерживая на месте, пока его губы прижимались к моим. Жаркое, дикое счастье пузырилось в моих венах, пока он влек меня сквозь этот головокружительный ураган. Мои пальцы едва не выпустили папку, желая вцепиться ему в волосы и ощутить их упругость.

Но, когда я совсем уж начала плавиться, он отстранился.

Мои глаза распахнулись.

– Спасибо. Это все, чего я хотел. – Он повернулся и вышел за дверь.

Через несколько минут я услышала в кабинете Боба его голос, спокойный и холодный, как лед. Он просил показать ему ту или иную недвижимость.

Господи. Я вертела на пальце обручальное кольцо до тех пор, пока кожа под ним не побелела. Как я могла? Как я могла, зная, что этими же губами он целовал Джейн? И Хизер. И Фелицию.

Мои глаза защипало от слез.

Что в этом Трое Хитгейте такого, что никак не отпускает меня?

4. Земля и небо

3 июля 1995 года

– Добро пожаловать домой, – обняла я Джейн. – Выглядишь потрясающе.

– Смотри, какой загар. – Она вытянула руки. – В Греции было чудесно!

– Да и тут неплохо. – Я огляделась вокруг.

Просторный бревенчатый дом, укрытый в потайной бухте на озере Бейс. Сквозь могучие сосны, растущие на берегу, посверкивала вода.

– Он принадлежал семье Мэтта в трех поколениях. Будет так здорово провести тут лето.

– А потом? – спросила я.

– А потом у меня столько дел! Нам надо будет найти жилье. Потом я начну его обставлять. О, и еще мама Мэтта хочет, чтобы я помогла ей с благотворительностью. Можешь себе представить? Я вся такая светская?

– У тебя отлично получится.

Это было правдой. Между нами всего четыре года разницы, но мы с Джейн словно из разных миров. Она любила гламур и блеск, ужины с влиятельными людьми, я же предпочитала тихие домашние вечера, простые ритуалы – уложить детей спать, разобрать свежевывстиранное белье, сварить ароматный домашний суп.

Мы обернулись на скрежет шин по гравиию. К дому подъезжала машина. Силуэт водителя – узкая талия, широкие мускулистые плечи – невозможно было спутать ни с кем.

Я с силой втянула воздух. Прошло несколько недель. Кожа Троя потемнела, как будто он проводил время на солнце. Он направился к нам своей ленивой расслабленной походкой, затянутый в узкие джинсы и черную майку.

– Трой, тебе удалось! – Джейн бросила накрывать на стол и побежала к нему навстречу.

– Друзья? – она чмокнула его в щеку.

– Друзья, – ответил он.

Его глаза скользнули по длинному столу под дубом и замерли на мне.

– Мило, – сказал он, но смотрел при этом не на старинные лампы на столе, не на кувшины, в которых стояли яркие подсолнухи.

Он оглядел меня – от красного платка, подвязывающего волосы, до белого летнего платья и плетеных сандалий.

– Привет, Шейда!

– Трой. – Кивнув, я занялась сервировкой стола.

– О, прекрасно, – сказала Джейн, глядя на подъезжающий фургон. – Это Райан. Трой, давай зови всех. Мама, папа и Мэтт там, на кухне, с детьми Шейды.

Он быстро взглянул в мою сторону.

Да, Трой. Дети. После девочки я родила еще одного ребенка.

– Не могу поверить, что ты его пригласила! – сказала я, как только он скрылся из виду.

– Троя? – Джейн казалась озадаченной. – Но почему?

– Да ну? Человека, который целовал тебя в день твоей свадьбы?

– А, ты об этом. Ну... – Она улыбнулась. – Это не он целовал меня. Это я целовала его.

– Что?

– Не впадай в такой ужас, Шейда. Ты же знаешь, я всегда по нему умирала. Он пришел поздравить меня, и я поняла, что это мой последний шанс. Вообще. Так что я поцеловала его.

– И?

– И все. – Пожав плечами, Джейн стала раскладывать вилки. – Холодные, вялые губы.

Вышло довольно неловко, мягко говоря.

– Тогда почему ты его ударила?

– Приветствую на борту, – с дьявольской улыбкой шепнул он, когда мои ноги коснулись дна. – Надеюсь, это будет лучше старого каное.

Я вспомнила ту ночь, луну, как белая орхидея, одежду, прилипшую к нашим телам.

Боже милосердный. Ради чего я в это вляпалась?

Я занялась спасательными жилетами, завозилась с детьми. Когда мы выплыли из залива, Заин восторженно закричал.

– Сиди тихо. – Я пристегнула их к сиденьям.

– В первый раз? – спросил Трой, когда я присоединилась к нему.

Я кивнула. Они никогда еще не плавали на лодке. Трой, стоя с другой стороны мостика, управлял лодкой, словно только этим и занимался.

Сильные загорелые руки вращали штурвал, мы делали повороты в кристально чистой воде, по берегам рос чудесный лес. Голубое небо на горизонте сливалось с бесконечным простором озера.

– Красиво же, правда? – он снял очки и сунул в карман рубашки.

Даже не знаю, что было лучше: его глаза, цвет которых усиливался ясным небом, или бесстрастный темный экран очков.

Лучше уж очки, решила я, когда его взгляд коснулся моих губ. Мне не нужно, чтобы он вспоминал о нашем с ним поцелуе. От которого он же и ушел.

– Готовы к действию?

– Что?

– Я спрашивал детей, – ответил он, подмигнув.

Заин и Наташа просияли, увидев, что он добавляет скорости.

– Держитесь крепче! – Он повернул штурвал в одну и в другую стороны, выписывая зигзаги на глади озера.

– Время обеда. Посмотрим, что нам положила тетя Джейн.

Мы зарылись в корзинку. Волны мягко хлопали по дну лодки.

– О, да тут холодное пиво, – сказал он. – Заин, это наверняка для тебя.

Заин хихикнул.

– Нет? Шейда, а ты хочешь?

Дети захихикали громче.

– Мама же не пьет, балда, – сказала Наташа.

– Наташа! – Когда это она начала так себя вести с незнакомыми?

– Мам, все в порядке. Трой крутой, – ответила она.

– Да, мам, я крутой. – Он дернул колечко на крышке.

Вместо тихого шипения раздался громкий хлопок, и Трой весь оказался облитым пивной пеной.

– Черт!

Я громко закашлялась, надеясь заглушить его вскрик.

– Капитан сказал слово на «ч»! – смеясь, крикнул Заин.

– Дьявол! – Трой замахал руками, стряхивая пиво.

– Держите, Крутой Капитан, – стараясь скрыть улыбку, я протянула ему бумажное полотенце.

– Ах, так? Ты считаешь, это смешно? – он прикрыл банку и встряхнул остатки содержимого.

– Трой, нет!

– А вы что скажете, ребята? – В его взгляде плескалось веселье.

– Давай! – завизжали они.

Ему не понадобилось много времени, чтобы загнать меня в угол у капитанского мостика. Его глаза сияли хищным блеском. Но за те две секунды, что он приближался ко мне, детское

веселье исчезло. Мы стояли, тяжело переводя дыхание, и ощущали присутствие чего-то большего, чем мы оба вместе. Мое сердце билось, как копыта тысяч диких коней. Он отступил и опустил банку.

– Повезло вашей маме, что она в белом, – крикнул он двум любопытным зрителям. – Но это же не должно пропасть. Ну, кого облить первым? – И он сделал вид, что гонится за ними.

Каким-то образом ему удалось изобразить, что они победили его.

– Сжальтесь! Сжальтесь! – Он позволил им повалить себя на пол, и вскоре все трое весело катались среди подушек.

– Заин, Наташа! Быстро по местам. Нам пора возвращаться. – Почему-то меня удручало то, как быстро они с ним сдружились.

– Но мы еще не съели браунис¹, – возмутился Заин.

– Браунис? – сказал Трой. – Без десерта мы не уедем.

Наташа протянула ему коричневый квадратик в салфетке. Трой стянул мокрую майку, сел и откусил большой кусок, закрыв глаза и наслаждаясь шоколадным тянущимся тестом.

– А вы рок-звезда? – спросила Наташа, глядя на тату и четки у него на шее.

– Рок-звезда? Нет, я Крутой Капитан, – подмигнул он ей.

Она растаяла.

– Хотите еще?

– С удовольствием.

– Это мама испекла, – сказал Заин.

– Да?

Без майки он казался еще более угрожающим, словно внезапно вырос и заполнил все поле моего зрения.

– Ага. Мы не дадим вам рецепт, – значительно заявила Наташа. – Но мы можем и вам испечь, если захотите.

– О, я хочу. – Взглянув на меня, он впился зубами в последний кусок. – У меня серьезное пристрастие к сладкому.

Мои щеки вспыхнули от неловкости и раздражения. Флиртовать на глазах у детей!

Это. Не. Круто.

– Ну вот и все, – тихо сказал он, заметив, что я заливаюсь краской. – Думаю, мы сегодня достаточно далеко заехали. – Он поднялся и взялся за штурвал.

Лучше бы он снова надел майку. Или свои очки. Все было бы лучше, чем эти уходящие в джинсы гладкие бронзовые мускулы. Слишком много голого тела. Голые плечи, голая грудь, голая спина.

– Готовы? – обернулся он к детям.

– Да! Да, Капитан!

На сей раз он полным ходом помчался прямо через озеро. Мир проносился мимо нас в потоке радужных капель, деревьев и солнечного света.

– Шейда?

– Что?

Он дернул меня за платок.

– Нет! – сказала я, но он стянул его с моей головы, и ярко-красное забило на ветру на фоне ярко-синего неба.

Ветер разметал кудри вокруг моего лица. Я попыталась удержать их.

– Оставь, – просиял он самой широкой из своих улыбок.

Сердись на него. Сердись. Сердись.

¹ Десерт американской кухни, пирожное коричневого цвета (англ. brown – «коричневый»), прямоугольные куски нарезанного шоколадного пирога. – Прим. ред.

Но я не могла. По крайней мере, долго. Это было восхитительно – мчаться по озеру, чувствуя, как ветер развеивает мне волосы. Я закрыла глаза и подняла лицо к небу. Вытянула руки, ловя пронесшийся мимо воздух; мелкие брызги оседали у меня на языке.

К возвращению в гавань мы стали загорелыми, продутыми ветром и хохочущими по любому поводу. Я прищурилась на стоящую на пристани фигуру. Солнце било в глаза, но Заин сумел узнать его.

– Папа! – замахал он.

Мое сердце упало, словно меня поймали едущей не в ту сторону на улице с односторонним движением. Я начала как могла приглаживать волосы.

– Спасибо, Капитан, – сказала Наташа, когда Хафиз вынимал ее из лодки.

Я собиралась последовать за ней, но Трой поймал меня за стропу спасательного жилета.

– Ой, прости. – Я начала нашаривать пряжку. Хафиз уже помог детям снять жилеты.

– Постой. – Трой протянул ко мне руки и стянул жилет, проведя по моим предплечьям.

Я сказала себе, что покрылась мурашками из-за озерной прохлады.

– Тебе удалось, – сказала я, когда Хафиз подал мне руку.

– Очередь на границе сегодня была не очень большой, – ответил он.

Я ощутила укол вины. Он казался усталым и вымотанным, лицо потемнело от ветра, солнца и пыльных сухих дорог. Щетина, с которой он уезжал, отросла в полноценную бороду, от одежды пахло бензином и дешевым кофе. Он не обладал гладким блеском Троя, его привлекательность основывалась на ощущении одиночества, которое окружало его, на том, что тебе хотелось проникнуть в темно-карие глубины его глаз.

– Трой! – К пирсу подошли Боб с Элизабет. – Как думаешь, ты сможешь прокатить парочку стариков?

– Залезайте, – ответил Трой.

– Шейда, накорми Хафиза как следует, – сказала Элизабет. – Он примчался сюда за тобой. – Она помолчала, переводя взгляд с Троя на Хафиза. – А вы знакомы?

Пока она представляла их друг другу, я затаила дыхание.

Трой, это Хафиз, муж Шейды. Ее якорь, ее скала, ее надежная гавань.

Хафиз, это Трой, течение, которое унесло ее в открытое море так далеко, что она позабыла дорогу домой.

Они пожали руки – надежный, земной человек и непредсказуемая, беспокойная небесная молния. Я ощущала себя деревом, разложенным на элементы, – корни глубоко в земле, листья шелестят в небесах.

– Приятно познакомиться, – сказал Хафиз.

– Взаимно, – ответил Трой.

– О, Шейда, чуть не забыл, – сказал Боб, садясь в лодку. – Я сказал Трою, что ты займешься им, когда я уеду. Покажешь ему несколько вариантов?

Меня охватил темный ужас, но я кивнула.

– Спасибо. – Лодка отчалила, и он помахал мне.

– Папа, а это что? – Теревили Хафиза Наташа и Заин.

– Кое-что для мамы. – Хафиз протянул мне белую коробку.

– Открывай! – сказал Заин.

Порывшись в кусочках упаковочной пены, я вытащила пакетик, обернутый в пупырчатую пленку. Внутри лежала композиция из четырех фигурок, объединенных общей основой. Матовый костяной фарфор изображал силуэты отца, матери, дочери и сына.

– Как красиво, – сказала Наташа, любясь деталями фигурок.

Но это было больше. Она даже представить себе не могла, насколько.

Я отвернулась от Троя, который прокладывал курс к мерцающим миражам на горизонте, и сжала руку Хафиза. Его подарок напомнил мне об иных временах, до того, как появились

Наташа и Заин, до того, как фарфоровые осколки, запачканные кровью, оставили уколы и надрезы в наших сердцах.

5. Пляж

ПРОШЛОЕ

10 июля 1982 года

Самое главное, что я помню о первой встрече с Хафизом, – это его улыбка. Не та, с которой он приветствовал меня, но та, что я заметила потом, когда он думал, что я не смотрю на него.

Это было через два месяца после моего приезда в Торонто. Подозреваю, что тетя Заррин организовала встречу еще до того, как мой самолет приземлился. Она была младшей сестрой Мааман и прирожденной свахой.

– Но я же ничего о нем не знаю! – возмутилась я, когда она объявила, что пригласила Хафиза и всю его семью на обед.

– Относись к этому, как к возможному началу, – ответила она. – Если он тебе не понравится, ты можешь больше никогда с ним не встретиться.

В тот день я рано вышла из дома. Мне нужен был какой-то знак, знамение, хрустальный шар, чтобы заглянуть в будущее. Был ясный день – голубое небо, отличная видимость. Я села на траву возле пляжа и смотрела, как мир проносился мимо меня. Вращение велосипедных колес, блестящие тела, играющие в пляжный волейбол, тающие рожки мороженого, младенцы в колясках.

Какая прекрасная, щедрая страна.

Ко мне подбежал золотистый ретривер, лизнул в лицо.

– Эй ты! – Я рассмеялась, и он облизнул меня всю.

И тут я услышала. Радостный взрыв смеха. Юная пара на роликах, их лица закрывали яркие шлемы. Она явно только училась, что добавляло им прелести. Он бережно поддерживал ее, пока она отталкивалась то одной, то другой ногой, уверенная, что он не даст ей упасть.

Он достал из рюкзака камеру и оглядывался в поисках кого-нибудь, кто мог бы сфотографировать их. Я начала вставать с травы, но меня опередил пожилой джентльмен. Пара на роликах сняла шлемы и замерла на месте для позирования. Пока они фотографировались, я смотрела на их затылки. Внезапно парень подхватил девушку на руки. Она полуиспуганно, полувосторженно закричала и обняла его обеими руками. Я надеялась, камера успела запечатлеть этот момент. Они поблагодарили за фотографию и укатили, держась за руки.

Вот чего мне хотелось. Его. Их. Кого-то, с кем я могла бы гулять, и смеяться, и держаться за руки до конца жизни. Я получила свой знак. Улыбнувшись, я поднялась с земли.

Пока я гуляла, позвонила Мааман, так что тетя Заррин была счастлива снабдить родителей Хафиза последними сплетнями из дома. Камаль Хиджази выглядел незаинтересованным. Это был невысокий человек с грязными от машинного масла ногтями, который говорил, только когда это было необходимо. Его жена Насрин, круглолицая, с толстой шеей, тяжело дыша, рассматривала меня поверх своей чашки.

Хафиз сидел напротив меня. Его лицо выглядело сдержанным и настолько идеально симметричным, что я обнаружила, что пялюсь на него. Он напомнил мне плитки импортного шоколада, стоящие в запертых витринах в Тегеране, те, что Баба покупал нам с Хуссейном, когда мы очень хорошо себя вели. Его волосы были цвета обжаренных и смолотых какао-бобов, и он носил их зачесанными от лица назад, так, что глаза оставались полностью открытыми. Они были ясными и привлекательными, но с горьковатым послевкусием, как две капли тем-

ного ликера. Он знал, что его тоже показывают, но легкое возмущение скатывалось с его карамельной кожи, как те слои блестящей фольги, которые мы срывали со своих шоколадок, когда они наконец попадали нам в руки.

Когда я в третий раз поймала его за тем, что он посмотрел на часы, он немного смутился. Я пожалала плечами, ведь для меня это чаепитие тоже не было развлечением. После этого он стал исподтишка посматривать на меня. Когда к нам зашла соседка тети Заррин, он поздоровался с ней, но тут же снова вернулся взглядом ко мне, словно не заметив ее ярко накрашенных губ и откровенного выреза. За обедом мы сидели рядом, чувствуя, как нас обоих оценивают – его моя тетушка, меня его мать – в качестве пары.

– Почему бы детям не убрать со стола? – предложила тетя Заррин, когда обед закончился.

– Все это так нелепо, – пробормотала я, когда мы остались вдвоем.

– Ты в первый раз?

Я кивнула.

– А я в третий, – сказал он. – Постепенно привыкаешь.

Потянувшись к одной и той же миске, мы соприкоснулись пальцами. И оба синхронно отпрыгнули. Мне понравился его смех и то, как он выглядел, когда немного расслабился. Словно маленький мальчик, который долго сидел взаперти и наконец вышел на волю, чтобы запускать змеев и строить башни из песка. Меня так увлекла эта перемена, что я не заметила блюдо с рисом на краю стола и столкнула его локтем на пол. Оно рухнуло с грохотом.

– Шейда! Что там такое? – спросила тетя Заррин из гостиной.

Это было ее любимое блюдо из сервиза, который она привезла из Ирана. Я в ужасе уставилась на осколки.

– Простите, – после неловкой паузы сказал Хафиз. – Я разбил одно из ваших блюд.

Наступило молчание.

– Ничего, дорогой, – сказала тетя Заррин. – Думаю, Шейде просто придется держать тебя подальше от кухни.

Мы услышали смех в гостиной.

– Спасибо, – беззвучно сказала я.

Поддразнивания продолжились. Я покраснела. Хафиз помог мне убрать осколки.

Когда спустя две недели он сделал предложение, я ответила согласием. Вскоре он рассказал мне, что вообще никогда не собирался жениться. У нас обоих были свои причины – у меня семья, ожидающая начала новой жизни, а у него – призраки, от которых он старался держаться подальше.

3 августа 1982 года

Через неделю после того, как мы назначили дату, тетя Заррин отвела меня к доктору Горману. Он дал мне три плоских круга.

– Это пробники. Принимай по одной таблетке каждый день, двадцать восемь дней. Когда пачка закончится, начинай следующую. Поняла?

Я кивнула.

– Их надо вставлять по утрам или вечером?

Доктор Горман посмотрел на меня так, словно я прилетела с другой планеты.

– Дорогая, – улыбнулся он. – Ничего не надо вставлять. Их принимают орально. Глодают, вот так... – Он раскрыл рот и сделал вид, что запивает из стакана с водой.

Я покраснела. Как наивно с моей стороны считать, что все, что имеет отношение к детям, происходит там, внизу.

– Вот рецепт. Покупай новые до того, как они закончатся.

– Спасибо.

Тетя Заррин ждала меня за дверью. Она хитро подмигнула мне и шлепнула по попе.

– Теперь угости меня мятным чаем, и я расскажу тебе, как довести твоего *джан* до экстаза.

Как же она отличалась от Мааман!

9 октября 1982 года

В нашу первую ночь с Хафизом мне не пришлось воспользоваться ни одним из советов тети Заррин.

Я переехала к его родителям в тесную квартиру с одной спальней. Хафиз раньше спал на матрасе, но теперь они купили в гостиную раскладной диван и со страшной помпой представили это как свадебный подарок.

– Нас не будут беспокоить, – сказал Хафиз.

– А мы... – пробормотала я. – А нельзя подождать до завтра?

Я так устала. День длился так долго. Из всех гостей я знала только тетю Заррин. Мне казалось, что меня поглотило море незнакомцев.

– Конечно. – Казалось, он испытал облегчение. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила я.

Мне хотелось, чтобы он обнял меня, но он заснул, повернувшись в другую сторону. Мне не хватало моей уютной пижамы. Было так странно лежать на неровном диване в шелковой рубашке, которую прислала Мааман. Вытянув вперед руку, я рассматривала золотой обруч на безымянном пальце. В свете уличных фонарей моя кожа казалась оранжевой.

«Теперь я миссис», – подумала я.

10 октября 1982 года

Хафиз разбудил меня на рассвете.

– Мне пора на работу. – Он уже оделся. – Я тебе позвоню. Около полудня?

Я кивнула, еще не проснувшись окончательно. Он первый раз видел мое утреннее лицо.

– Только еще вот что...

Я думала, он хочет поцеловать меня, но он взял нож и порезал себе палец.

– Что?..

– Ш-ш-ш-ш. – Он надавил на лезвие, и на коже выступила ярко-красная струйка крови. – Это не сильно. Но убедись, что Ма увидела это, ладно? – он вытер кровь о простыню. – Увидимся вечером.

Я потянулась к нему, к человеку, который порезал себя, чтобы сохранить мою честь, не задавая вопросов. Я взяла его окровавленный палец в рот и пососала его.

Он резко втянул воздух.

– Это... необязательно. – Но он не убрал руку, глядя на меня мягким, задумчивым взглядом.

– У нас тут не целый день, – позвал из-за двери Камаль Хиджази.

Хафиз поежился. Это были странные отношения. Отец с сыном едва разговаривали, но каждый день уходили вместе на работу.

Ма проснулась через несколько часов. Она велела мне называть ее «Ма», а отца Хафиза – «Педар», так же, как и он сам.

– Теперь мы – твои родители, – сказала она.

Я подумала, не приготовить ли завтрак, но не знала, что она любит и где что лежит, так что притворилась, что сплю.

– Сегодня я покажу тебе, – сказала она. – А потом ты готовишь нам завтрак.

Она говорила со мной по-английски.

– Это хорошо для учиться, – объясняла она, намазывая лаваш фетой и инжирным джемом.

Я вымыла посуду, пока она застилала постель. Потом она пришла и расцеловала меня в обе щеки.

– Хорошая девочка. Пойдем стирать. – Рассмеявшись, она подняла простыню с кровавым пятном.

К полудню мы были готовы принимать гостей – тетушек и кузин Хафиза. Все с высокими прическами и яркой помадой, они нарядились в безупречные платья с подплечниками.

– Насрин! – обнимали они Ма.

Те, кто помоложе, отвели меня в сторону.

– Ну как? – дразнили они. – Как оно? Первая ночь?

– Пойду приготовлю чай, – отговорила я.

– Какая скромница, – рассмеялись они.

Я разлила сладкий чай по стеклянным стаканчикам и принесла вместе с печеньем на подносе.

– Мы знаем, что Хафиз и Камаль должны работать, но это День благодарения², выходной, и мы надеялись, что вы пойдете с нами на ланч, – сообщила одна из тетушек.

Я взглянула на Ма. Ланч означал деньги, а у меня их не было.

– У Фарназ и Бехрама свой ресторан. Иди, – сказала она.

– А как же вы? – спросила я.

– Насрин не любит обедать не дома, – сказала Фарназ, одна из кузин Хафиза. – Доктор говорит, у нее сердце.

– Я не люблю выходить из дома, потому что не люблю обуваться, – сказала Ма, указывая на распухшие ноги. – А ты иди.

Попрощавшись с Ма, мы втиснулись в машину Фарназ. Она настояла, чтобы я села рядом с ней спереди.

Она робко взглянула на меня.

– Не могу представить себе, что вы могли уединиться в этой квартире. Когда вы уезжаете на медовый месяц?

– Мы ничего не планировали. Педар говорит, в лавке много работы.

– Там всегда много работы. Хафиз – самый лучший механик. Ты же не думаешь, что они так просто отпустят его? Ты должна бороться за него, дорогая.

Она въехала на парковку у греческого ресторана.

– Познакомься, это Бехрам, мой муж. – Она помахала ему рукой, пока мы шли к столику.

– *Салям*, – слегка запыхавшись, поздоровался он. – *Джан*, – сказал он жене, – мне нужна твоя помощь. Нам не хватает рук.

– А что с той девушкой, что мы наняли? – спросила Фарназ. – Она должна была сегодня начать.

– Она так и не пришла.

Фарназ закатила глаза и скрылась на кухне. Потом вышла оттуда с тарелками, полными лепешек пита, палочек сувлаки³ и салатов.

– Угощайтесь, дамы. Если что-то понадобится, я на кухне.

– Вам помочь? – спросила я.

– Сиди, – прошипела одна из девушек. – Из-за тебя мы все выйдем невежливыми.

– Ой, – я села на место и опустила голову.

² Североамериканский праздник, отмечается во второй понедельник октября в Канаде и в четвертый четверг ноября в США. С этого дня начинается праздничный сезон, который включает в себя Рождество и продолжается до Нового года. – *Прим. ред.*

³ Небольшие шашлычки на шпажках. – *Прим. ред.*

Неловкая пауза затянулась. Когда я подняла глаза, то увидела, что все они с трудом сдерживают смех.

– Добро пожаловать в семью, – сказала та, что сидела слева от меня, толкая меня локтем. – Мы не такие серьезные.

– Да дайте вы поесть бедной девочке, – сказала мать Фарназ, наливая мне в стакан воды. – Я думала, что увижу Мону на свадьбе. Как она?

– С Мааман все хорошо. Они не успели оформить все документы.

– Передай ей, что Фарида шлет привет. Когда я жила там, я много раз бывала в вашем летнем доме.

– Правда?

– Да. Это такое прекрасное место. Твоя мать устраивала роскошные приемы в саду. А твой отец... – Она рассмеялась. – Красивый черт с серебряным языком. Ты, должно быть, совсем молоденькая. Я не помню, чтобы я видела тебя или твоего брата.

– Мы обычно брали еду и прятались в лимонных зарослях, – ответила я. Это было мое самое любимое место на свете.

– Мне очень жаль, что все так случилось, – сказала Фарида.

Я кивнула и занялась едой, стараясь не думать и не вспоминать о запахе горящих лимонных деревьев.

Когда я вернулась домой, Ма протирала от пыли стеклянный шкафчик, который сиял в этой обшарпанной квартире как восклицательный знак. Хафиз сказал мне, что шкафчик – ее гордость.

– Какие красивые, – сказала я, разглядывая коллекцию фарфоровых фигурок.

– Нравится? – просияла Ма. – Взяло много лет.

На полках стояли самые разные статуэтки, некоторые раскрашены золотом, другие похожи на те, что находят на распродажах, но все стояли по группам – мама, папа и дети, иногда трое или четверо, иногда с домашним животным, иногда с домиком.

– Это мы, – указала она на три фигурки, раскрашенные в нежные тона. – Это мне дали, когда я родила. Я, Камаль и маленький Хафиз.

– Очень мило, – сказала я. – Теперь надо найти меня.

– Нет. – Она убрала фигурки на верхнюю полку. – Это мое. Ты должна сама. – Рассмеявшись, Ма похлопала меня по животу.

Мысль о том, что у нас с Хафизом будут дети, вызывала у меня и опасение, и предвкушение. Желание иметь свою семью всегда жило в тайных уголках моего мозга, и я всегда думала о нем, стараясь заглушить громкие споры и ссоры, доносящиеся из комнаты Мааман и Баба.

Теперь, оглядываясь назад, я очень благодарна Хафизу за то, что Наташа и Заин никогда не видели родительских ссор. Нет. Наши разногласия были другими. Тихими, молчаливыми, из тех, что заматают под кровать или прячут в бельевом шкафу. И мы хорошо, так хорошо научились никогда не заглядывать в эти потайные места.

6. Почти на месте

НАСТОЯЩЕЕ

4 августа 1995 года

– Прекрасно, – сказал Трой. – Беру.

– Но ты же не видел остальные. – Я стояла возле широких раздвижных стеклянных дверей, готовая показать ему личный бассейн на крыше.

– Не нужно. – Остановившись за моей спиной, он встретился взглядом с моим отражением в стекле. – Мне тут нравится. – И, понизив голос, добавил: – Очень.

От моего дыхания стекло запотело. Целую жизнь назад, когда мы стояли вот так же, я к нему обернулась.

Думаю, возможно, тогда это и началось.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я.

Он начал играть моим локоном.

– Я до смерти хочу поцеловать тебя.

Но он не поцеловал меня. Я выпадала из круга свободных, доступных девиц. Он хотел меня, но ему требовалось, чтобы я сама открыла эту дверь, осознанно, по собственной воле.

Впусти меня.

Я отвернулась.

– Так что, я заполняю предложение о покупке?

– Пожалуйста, – он произнес это с интимной интонацией.

Я представила его рядом, ожидающего касания моих губ, пальцев, языка.

У меня дрожали руки, пока я отыскивала нужный документ в стопке. Это была шестая квартира, которую мы смотрели после отъезда Боба.

Переделанный из столетнего складского здания, с десятиметровыми бревенчатыми потолками, стенами из полированного кирпича, автоматическими жалюзи на окнах, лифтом для спуска в персональный гараж, этот пентхаус-лофт с двумя спальнями, библиотекой и личным гимнастическим залом представляет собой одну из самых больших и самых потрясающих квартир в городе.

Я вспомнила, как прочла это объявление и сразу подумала, что оно подойдет идеально. И, может быть, – ну может быть – тогда я избавлюсь от Троя. Каждый час, что мы проводили вместе, только усиливал мои опасения. Запах его кожи, форма его ногтей, легкие перемены интонаций в его голосе – успешный бизнесмен, очаровательный плохой парень, чувственный любовник. Глядя, как он ест, говорит, улыбается, шутит, я понимала, почему женщины штабелями падали к его ногам. Ненасытная жажда жизни, непоколебимая уверенность, темный, опасный шарм, таящийся под слоем искренней игривости.

– Значит, договорились. – Я начала выключать везде свет.

Вот и все. Мы нашли ему жилье. Я почти спаслась невредимой.

Мы спустились вниз в частном лифте. Тесное пространство хуже всего. Машины, гостевые ванные, подсобные комнаты, гардеробные. Я везде заходила с Троем, показывая ему то одно, то другое. Но уже скоро смогу вздохнуть свободно.

– Через три дня я уезжаю в Нью-Йорк. Если бы мы могли закончить до тех пор, было бы отлично, – сказал он, когда двери раскрылись.

– Сделка не может быть закрыта раньше двух месяцев. Это в случае, если наше предложение примут.

– Примут. Я хочу его. Чего бы это ни стоило. – Прежде чем попрощаться, он проводил меня к моей машине.

Сев в машину и закрыв дверцу, я потеряла виски. Напряжение от необходимости держать себя в руках, когда Трой рядом, изматывало меня.

От стука в окно я чуть не подпрыгнула.

Он вернулся. Ну что там еще?

– Я только что понял, что теперь официально живу в этом городе, – сказал он. – Полагаю, это стоит отметить.

– Трой, я не могу.

– Не можешь? – Он быстро взглянул на меня. – Мне нравится это «не могу». Это гораздо лучше, чем «не буду».

– Не могу и не буду. Какая разница?

Он выпрямился, но его улыбка выглядела подозрительно обескураживающей. – Увидимся, когда я вернусь, Шейда.

7. Свекольная бабочка

29 сентября 1995 года

– Пока, Шейда! Хороших выходных.

– И тебе. – Я помахала Сюзен, набрала код охраны и заперла за собой дверь.

Возле меня остановился темный седан. Водитель опустил стекло.

– Шейда.

Я заглянула в машину.

– Трой? Что ты тут делаешь?

– Садись. – Он приоткрыл дверцу.

– Я иду домой.

– Это ненадолго.

– Что-то случилось? – спросила я. Сделка по продаже лофта прошла без сучка без задоринки.

– Нет. – Он позвенел передо мной ключами. – Только что забрал их у адвоката. Ну ты, наконец, сядешь, прежде чем этот Халк из машины сзади решит разобраться со мной?

Я поглядела на машину, стоящую за ним. Мысль о том, что мускулистое, почти двухметровое тело Троя будут трясти и валять, как в субботнем утреннем мультике, была приятна, хоть и притянута за уши.

– Почему мне кажется, что тебе нравится эта идея? – сказал он.

– Чего ты хочешь? – спросила я, садясь в машину.

– Я привез тебе кое-что, – ответил он, указывая на заднее сиденье.

Я увидела круглую коробку, перевязанную ленточкой.

– Что это?

– Нечто, требующее немедленного внимания. – Он отъехал от тротуара и вырулил на шоссе.

– Куда мы едем?

– Может, ты закончишь с этой сотней вопросов и успокоишься?

Откинувшись на сиденье, я стала смотреть в окно на проносящийся мимо поток красно-желтых огней. Это было легче, чем любоваться на то, как Трою идет кожаная куртка. Через несколько минут он съехал с шоссе и свернул в тихий парк.

– Пойдем. – Он схватил коробку и привел меня к большому пруду, в котором отражались яркие кроны растущих по берегу деревьев. Мы поднялись на холм, где с небольшой поляны открывался вид, от которого захватывало дух.

– Вау. – Я любовалась переливчатым серебром реки Дон, текущей по долине в обрамлении золотых дубов, кленов и берез. – Как будто мы вообще не в городе. Как ты нашел это место?

– Я бегаю тут по утрам, – ответил он. – Вот. – Он протянул мне коробку. – Небольшой сувенир для тебя. Прежде чем откроешь, загадай желание.

– Что?

– Закрой глаза, загадай желание и потом открывай.

– Это глупо, – сказала я.

– Делай.

Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза. Потом развязала ленточку и заглянула внутрь.

Яркий всплеск красного трепета изнутри.

– Господи! – я захлопнула крышку. – Это... Это что, бабочка?

Он улыбнулся моему восторгу.

– Ну и что я должна с ней делать?

– Ты должна ее выпустить.

Я снова заглянула в коробку. – Это монарх! Я в жизни не видела, что они бывают такого цвета. Где ты его нашёл?

– Я гулял в поле, заросшем дикими цветами, и увидел его. И знаешь что? При мне как раз оказался мой сачок.

– Трой.

– Ну я сделал несколько звонков.

– Но зачем?

– Помнишь, как мы встретились в первый раз? На тротуаре возле дома Боба?

– Да!

– Я наврал. Не было никакой бабочки. Я все выдумал.

– И зачем ты это сделал?

– Потому что ты собиралась убежать, а я хотел, чтобы ты осталась.

Мое сердце замерло, а потом забилось быстро и сильно, а мысли умчались в то солнечное июньское утро.

* * *

От автобусной остановки до дома Боба было довольно далеко. Я шла с тяжелой пачкой контрактов в руках, которые должны были понадобиться ему сегодня, и услышала, что за мной кто-то бежит. Навстречу мне прошли две девушки – сплошные длинные ноги и распущенные волосы. Они улыбались. Я улыбнулась в ответ, но тут же поняла, что их улыбки предназначались не мне, а тому, кто шел позади меня.

– Доброе утро, – голос прозвучал приятно, но хулигански-игриво.

В следующий момент я почувствовала, что меня сбили с ног. Я упала на колени, бумаги разлетелись вокруг.

– Ох! Вы в порядке? Я вас не заметил.

Ну конечно. Как же. Он был слишком занят, оглядывался через плечо на девушек, оценивая их вид сзади.

Собрав мои бумаги, он опустился на колени рядом со мной. Пыльные кроссовки, серые спортивные штаны, толстовка «Университет Ватерлоо», а над всем этим – потрясающие голубые глаза. Они напомнили мне вырезки, которые я хранила в своем альбоме желаний, о тех местах, куда мечтала поехать. Голубые, как вода вокруг островов в Тихом океане. Я ощутила, как меня словно приподняли с тротуара, и я зависла в воздухе прямо над ним. Я замерла в его руках на несколько бесконечных секунд, вглядываясь в неохватный горизонт.

Щелканье автоматической поливалки вернуло меня на пригородную улицу. Моргнув, я продолжила путь.

– Ш-ш-ш. Не шевелись, – сказал он. – Замри.

– А? – я ощутила странное желание убежать. Мои щеки запылали, словно я уже пробежала длинную дистанцию.

– Не шевелись. Бабочка. У тебя на плече.

Я застыла. Не знаю почему. Я ее даже не видела.

– Какого цвета? – спросила я.

– Красного.

– Красного? – я снова ощутила на себе этот синий взгляд.

– Это самая красивая штука, какую я видел, – прошептал он.

Я боялась вздохнуть.

– Знаешь, – сказал он, – у американских индейцев есть поверье: если хочешь исполнить свое желание, поймай бабочку и прошепчи ей эго. Она не умеет говорить и не расскажет о

твоим желанием никому, кроме Великого Духа. Загадав и отпустив бабочку, ты донесешь свое желание до небес, и оно исполнится.

– Ты... Ты хочешь попытаться ее поймать?

– Если она захочет, чтобы ее поймали.

Я крепче сжала стопку бумаг, чтобы они не шуршали. Он посмотрел на мои ноги, прерывая наш контакт взглядов. Когда он снова поднял глаза, они были другими.

– Улетела.

– Что?

– Бабочка.

Я кивнула, шумно выдыхая.

– Ты в порядке? Не ушиблась? – спросил он.

– Нет. – Но с каждой секундой, что он смотрел на меня, он срывал очередной слой моего защитного кокона.

– Я бы сказал, мне очень жаль, что я тебя сшиб, но это не так. – Улыбаясь, он протянул мне остаток моих бумаг.

Это нечестно, когда у кого-то такая улыбка.

Я отвела глаза. Мой взгляд упал на серебряный крестик на цепочке, висящий у него на шее.

– Помочь? – протянул он мне руку.

– Я справлюсь.

Он помолчал, а затем повернулся и побежал. Уверенный стук шагов, удаляясь, понемногу затихал среди летнего утра.

Я глянула на часы. 9.05. Я опоздала. Все документы перепутались. А мое сердце стучало, будто я сто раз подпрыгнула. Я завернула за угол дома Боба и позвонила.

Через секунду я смотрела в голубые глаза незнакомца сквозь косую сетку дверного экрана.

Ну конечно. Сын Боба. Вернулся домой на каникулы. Как я могла забыть?

– Райан? – спросила я, краснея, потому что он оценивающе разглядывал меня с ног до головы.

– Райан – это я. – Из-за его плеча высунулась голова. – А это Трой. А ты кто?

– Заходи-заходи, – раздался знакомый голос Боба. – Привет, Шейда. – Он вышел вперед и открыл мне дверь. – Мальчики, это моя помощница. Ведите себя хорошо. – Он строго посмотрел на них. – Шейда, я оставил тебе записку. Вернись через пару часов.

– Конечно. – Опустив голову, я протиснулась мимо двух жестких мускулистых тел и прошла прямо в офис.

– Черт возьми. Папина помощница? Ну и штучка! – сказал Райан.

– Охолопись, приятель. Она замужем, – услышала я ответ Троя.

Я уронила бумаги на стол. Обручальное кольцо. Он заметил его. И бежал. Буквально. Я непроизвольно улыбнулась.

– Боже-боже-боже! – Джейн, вбежав в кабинет, закрыла за собой дверь. – Ты видела приятеля Райана?

– Да, – рассмеялась я.

До полудня было далеко, но Джейн уже на ногах, уже причесана и с покрашенными глазами.

– Вчера он мыл тут свою машину. Без. Майки. Е-е-е-е! – заверещала она. Потом, приоткрыв шелку в двери, выглянула наружу. – Он такой клевый!

– Джейн? – спросила я. – Ты когда-нибудь видела красных бабочек?

– Красных бабочек? – Обернулась она. – А такие бывают?

– Конечно, бывают, – Трой просунул голову в дверь. – Я сам видел одну этим утром.

- Ну да, конечно, – ответила Джейн. – А как она называется?
– Свекольная бабочка.

* * *

Я уставилась на красного монарха.

– Так ты все это выдумал? Свекольных бабочек не существует? – спросила я, стараясь заглушить усиливающийся шум в ушах.

– Конечно, существуют. – Он заметил, как я заливаюсь краской. – Вот она перед нами.

Время замерло и растянулось. Я зависла в нем, паря в воздухе, невесомая, запыхавшаяся.

В этот момент бабочка решила выбраться на свободу. Она присела на краешек коробки, сложив крылышки. Белые точки на них смотрели на нас, точно глаза. Волшебная долина манила, но бабочка продолжала цепляться за свою клетку.

– Ну давай же, лети, черт возьми! – сказал Трой.

Монарх расправил крылышки, впитывая солнечное тепло, потом поднял их и вспорхнул в воздух. Он поднялся над нашими головами, хрупкий алый всполох над золотой долиной.

– Надеюсь, она справится, – сказала я.

Каждый год бабочки-монархи миллионами улетают на юг, совершая кругосветное путешествие во много тысяч километров.

– Ни одна бабочка не пролетает весь путь, – ответил Трой. – На это нужно четыре или пять поколений.

– Очень грустно, – сказала я. – Но так красиво. Оставаясь, она умирает. И улетаю, умирает тоже.

Мы смотрели, как она скользит в воздухе все дальше и дальше, пока не исчезла, слившись с фоном осенних листьев.

– Мы все умрем, Шейда, – повернувшись, он поглядел на меня. – Важно, какой выбор мы сделаем.

– В этом все дело, да? – спросила я. – Ты хочешь, чтобы я сделала выбор?

Солнце начинало садиться, и в воздухе появилась прохлада. Он стянул вместе пальто моего пальто. – Неважно, чего я хочу. Или чего хотят все остальные. Чего хочешь *ты сама*, Шейда?

– Не надо, – сказала я, чувствуя, как крошечные ростки надежды начинают пробиваться из давно забытых могил. – Разве ты сам не видишь, что творишь?

– В том, что касается тебя, я становлюсь слепым, Шейда. – Он приподнял мой подбородок. – Я вижу только тебя. Не мать, не жену, не работника, ничего такого. Только тебя, Шейда.

Лучи заходящего солнца падали ему на лицо. Его глаза сияли, как два голубых зонтика с темными точками в центре и золотыми спицами. Отблеск в волосах смягчал черты лица, и он казался гораздо более ранимым.

– Ты видишь только то, чего не можешь получить, – ответила я.

– Может быть. А может, ты была во мне так долго, что там не осталось места больше ни для кого.

Я резко втянула носом воздух.

– Ты выдумал обо мне то, чего во мне нет. Это все только у тебя в голове.

– Эта теория отпала в тот момент, когда мы целовались. И ты это знаешь.

– Трой, это просто физическая тяга. Ничего больше.

– Ладно. – Он глубоко вздохнул. – Тогда давай закрутим дикий, безумный роман. Позволь себе это. Все будет лучше, чем то, что есть. Эта полужизнь. Эта чертова тяга. – Он обвел большим пальцем контур моих губ. – Я не могу перестать думать о тебе – твой запах, твой вкус, твоя кожа...

Я закрыла глаза. Он провел пальцем по моей шее.

Как отказаться от живого, дышащего, трепещущего чувства? Как можно отбросить его, убить и похоронить, чтобы оно никогда не увидело божьего света?

– Держись от меня подальше. – Я вырвалась из его рук. – Я не желаю иметь с тобой ничего общего, Трой.

8. Не так

9 октября 1995 года

– С Днем благодарения, Шейда, – Джейн обняла меня у самой двери. – И с годовщиной!

– Спасибо. И вам хорошего праздника!

Хафиз, Наташа и Заин зашли вслед за мной. Я понесла браунис на кухню.

– Элизабет, как вкусно пахнет! Спасибо, что пригласили нас.

– О, ты принесла мои любимые, – обрадовалась она.

– Шейда, Хафиз, – позвал Боб из гостиной. – Как вы вовремя. Трой как раз собирается уходить.

Я замерла.

Трой?

– Взгляни на этот план. – Боб развернул на обеденном столе большой лист бумаги. – Я как раз показывал Трою некоторые здания, подходящие для его офиса.

– Мне правда пора, Боб. – Трой поставил стакан. – Рад видеть тебя, Хафиз. И тебя, Шейда.

Я поняла, почему он уходит, и у меня все сжалось внутри.

Я не желаю иметь с тобой ничего общего, Трой.

В белоснежной рубашке, темно-синем пуловере и твидовом пиджаке он был бесконечно далек от того Троя в выцветшей черной майке и джинсах, которого я знала, но все равно таким же неотразимым. Даже больше – с этой холодной отстраненностью во взгляде.

– Пойдем, Рейчел, – сказал он.

Только тут я заметила поднявшуюся с дивана длинноногую блондинку в черной водолазке и роскошных брюках.

– Вы уверены, что не можете остаться? – спросила Элизабет.

– Мы встречаем День благодарения с родителями Рейчел.

Ладно. Может, я и ошиблась насчет причины его ухода. Дело в Рейчел. А вовсе не в Шейде. И это же объясняло его консервативный наряд. Вечер знакомства с родителями. Кинжал у меня внутри вонзился еще глубже.

– Трой! – подскочили к нему дети.

– Привет, команда! – Он подхватил Заина на руки, но удержался от того, чтобы взерошить Наташе волосы, что принесло ему дополнительные очки.

– Капитан, – хитро улыбнулся ему Заин.

– Ты что, уже уходишь? – Наташа пошла за ним к двери.

– Боюсь, что так, принцесса. – Поставив Заина на пол, он помог Рейчел надеть пальто.

– Погоди. – Наташа помчалась в кухню и вернулась, неся что-то обернутое в бумажное полотенце. – Мы испекли браунис.

– А ты запомнила?

– Угу. Ты их любишь.

– Спасибо, милая! – он присел на корточки и взял у нее сверток.

– Так я займусь этим местом в центре, – сказал Боб.

– Это будет отлично. Скоро обсудим, – расслышала я до того, как захлопнулась дверь.

Элизабет выглянула в окно.

– Надо же. День благодарения с родителями. Он что, на этот раз всерьез?

– Лиз, прекрати шпионить.

– Я не шпиону, – она выпустила занавеску. – Я только надеюсь, что мальчик найдет себе хорошую пару.

– А мне кажется, ему нравится быть холостяком, – сказала Джейн. – Он вернулся сюда три-четыре месяца назад? А его жизнь в обществе бьет ключом. Про него пишут в колонках сплетен больше, чем про меня за всю мою жизнь.

– И в области бизнеса о нем много разговоров, – добавил Мэтт.

– Мы будем весь вечер обсуждать Троя или все-таки сядем ужинать? – Боб начал убирать бумаги со стола. – Знаешь, – обратился он ко мне, – он в восторге от своего лофта. Я удивлен, что он тебе об этом не сказал.

– Он с самого начала был твоим клиентом, – ответила я.

Улыбнувшись, Боб потрепал меня по плечу.

– Повезло тебе с ней, Хафиз.

Хафиз просиял. Мне нечасто удавалось видеть его таким, но всякий раз от этого возникала боль, словно в сырой день начинала ныть старая рана.

Вечером я надела кружевную коротенькую рубашку, которую хранила в глубине шкафа. В ней я чувствовала себя смелой и сексуальной. Розовый шелк оттенял мою кожу и карие глаза. Я побрызгалась духами и вышла из ванной, слегка смущаясь.

Свет был выключен, и Хафиз уже лежал в кровати. Я скользнула под одеяло и прижалась к нему.

– Я рада, что ты смог вернуться домой к нашей годовщине.

– Я тоже, – ответил он.

– Я по тебе соскучилась, – я прижалась к мужу теснее и погладила его.

– Хм. Ты соскучилась, – повернувшись, он поглядел на меня с тихим удивлением. – Как это мне так повезло?

Я уже не помню, когда у нас в последний раз был секс. Месяцы стали годами, а годы слились в одну череду без начала и конца. Но сегодня я вся горела. Мне хотелось прогнать мысли обо всех остальных, кроме него. Я хотела все здесь и сейчас, там, где полагалось, где это было хорошо, чисто и правильно.

Он стянул с меня трусики и перевернул меня на живот.

– Нет, не так, – сказала я. – Так я больше не хочу, Хафиз.

В выражении его лица промелькнула боль.

Я хотела слишком многого. Я знаю. Но мне было так нужно. Правда, очень-очень нужно.

И он взял меня лицом к лицу, но прятал свое лицо в моей шее.

«Погляди на меня. Пожалуйста. Погляди на меня!» – хотелось сказать мне.

Когда все закончилось, он отстранился и свернулся калачиком, отвернувшись от меня.

Я обняла его, желая впитать его боль, стараясь спрятать свою.

– Может быть, нам стоит с кем-то поговорить.

– Ты имеешь в виду психолога?

– Это могло бы помочь.

– Ты никогда не говорила об этом.

Приподнявшись на локте, я посмотрела на него.

– Дело не в этом. Ты никогда ни с кем не обсуждал то, что случилось.

– Тут не о чем говорить. Это уже в прошлом.

– Но оно все еще тут. – Я положила руку ему на сердце. – Тебе не кажется, что пора с этим разобраться?

– Что ты от меня хочешь, Шейда? Чтобы я сидел на кушетке и рассказывал какому-то постороннему человеку, что не могу заниматься любовью с собственной женой, потому что всякий раз, когда гляжу на нее, вижу это чудовище?

Я проглотила эти слова.

Я хотела не этого. На самом деле я хотела чего-то другого, *кого-то* другого, и в попытках убежать от своего желания заставляла своего мужа пройти сквозь ад.

– Нет, – ответила я, внезапно ощущая глубокую усталость. – Давай спать, Хафиз. Ты тут, я тут, дети спят в своих комнатах. И важно только это.

Мы прижались друг к другу, две души из разрушенных домов, решившие держаться вместе и не позволить лапам, протянутым из прошлого, разрушить нашу семью.

9. Посейдон

ПРОШЛОЕ

27 декабря 1982 года

Паша Моради. Я совершенно ясно помню, как впервые услышала это имя. Мой мир качался на грани, готовый вот-вот перевернуться, а я стояла, ничего не подозревая, в теплом, прекрасном ярко-алом пальто, которое только что купил мне Хафиз.

Это был период всего самого первого. Первая зима; первое Рождество в Канаде; первый случай, когда мы с Хафизом смогли провести вместе целых три дня.

Мы купили два куска обжигающей пиццы и остановились на детской площадке позади нашего дома. Хафиз смахнул со скамьи шапку свежеснеженного снега и улыбался, глядя, как я подстилаю салфетку, прежде чем сесть на нее в новом пальто.

– Оно тебе нравится? – спросил он.

Пальто было дороже, чем он мог себе позволить. Я волновалась, что скажет Ма, когда мы вернемся домой.

– Оно такое прекрасное.

Было немножко смешно, насколько неловко я ощущала себя с человеком, за которого вышла замуж больше двух месяцев назад. Но сегодня, когда он снимал с моего куска пиццы колечки красного лука, который, как он знал, я не люблю, мое сердце захлестнула волна неожиданной нежности. Этим простым действием Хафиз развеял все мои сомнения и снял неловкость.

Я впиалась зубами в кусок хрустящего теста, и вкус расплавленного сыра и томатов казался мне лучше всего, что я могла вспомнить. Он заботился. Заботился обо мне. Это читалось в его глазах, в том, как он слегка приоткрыл ворота, ровно настолько, чтобы я могла проскользнуть на эту тщательно охраняемую территорию. Мне хотелось сидеть здесь всегда, глядя, как на балконах мигают гирлянды лампочек.

– Ты катаешься на роликах? – спросила я.

– На роликах? – удивился он. – Нет. А ты?

– И я нет, – рассмеялась я. – Я просто вспомнила одну пару, которую видела на пляже в тот день, когда мы встретились. Они казались такими счастливыми.

Он взял меня за руку в перчатке и тихо пожал ее.

– Шейда, я знаю, что мы не... Что я не...

Слова не шли, он сделал глубокий вдох и начал сначала.

– Я знаю, что есть вещи, которых ты не понимаешь, но я *хочу*, чтобы мы были как та пара. Когда я увидел тебя, то понял, что существуют вещи, о которых я даже не мечтал. Шейда, я хочу отдать тебе все, что есть во мне хорошего. Я обещаю, что сделаю все, что могу, чтобы ты была счастлива, Шейда.

У меня сжалось сердце. Я ощущала себя большим красным шаром, готовым взлететь.

Взявшись за руки, мы обошли мусорные баки позади здания. Когда мы приблизились к лифту, нас встретил теплый поток воздуха из прачечной, пахнувший сохнувшим бельем. Хафиз притянул меня к себе и уткнулся носом мне в шею. Мне нравилось, как его щетина покалывает мне кожу.

Когда мы вошли в квартиру, Ма пребывала в таком возбуждении, что даже не заметила моего нового пальто.

– Паша Моради позвонил. Он получил документы! Он едет в Торонто! Подожди, пока он устроится.

– Когда? – спросил Хафиз. – Когда он приезжает?

– Через две недели, – сказал Педар, сияя от уха до уха.

Я впервые видела на безразличном лице Камалья Хиджази что-то кроме уныния и скуки.

– Кто такой Паша Моради? – спросила я, не заметив, что Хафиз потихоньку выпустил мою руку.

8 января 1983 года

Приготовления к встрече Паши Моради выглядели, как выпущенный на свободу вихрь, заполнивший нашу крошечную квартиру. Мы купили стейки, цыпленка, баранину и целого морского окуня. Каждый вечер будем пировать. Педар часами заменял паркетные доски пола, а Ма отполировала свой стеклянный шкафчик так, что он сиял на свету, как радуга. Я пылесосила и вытирала пыль, натирала краны и раковины и отмыла все пятна в ванной зубной щеткой и хлоркой.

Однажды вечером мы с Хафизом поехали в магазин покупать новое постельное белье. Я рассматривала комплекты, а он стоял рядом, рассеянный и явно думающий о чем-то другом.

– Как считаешь? – показала я ему несколько видов расцветки.

– Да бери ты что хочешь, черт возьми! – он сорвался на меня в первый раз.

Ма расшила покрывало на кровать яркими цветами. Паша Моради должен был спать в их комнате. Мы с Хафизом ляжем на матрасе, а Ма и Педар – на диване.

– Он очень могущественный человек. У него ни жены, ни семьи. Если мы с ним хорошо, он изменит нам жизнь.

«Деньги. Так вот в чем дело», – подумала я, пытаюсь расшифровать полный отвращения взгляд, которым Хафиз смотрел на родителей, когда они расстилались перед этим человеком.

Да-да-да, конечно, мы вас встретим.

Что бы вам хотелось на ужин в первый день?

Конечно, мы поедem на Ниагарский водопад!

– Позвони своим, – сказал Хафиз мне как-то вечером, когда его родители освободили телефон.

– Это дорого, – Ма была недовольна. Педар крутил в промасленных пальцах сигарету.

– Не вижу, почему бы ей не позвонить один раз своей семье, когда вы часами разговариваете с ним по международной.

– Это ничего, – шепнула я Хафизу.

– Звони, – протянул он мне телефон.

В ту ночь, ночь перед приездом Паши Моради, Хафиз повернулся ко мне. С тех наших выходных он казался каким-то отстраненным, словно занавес закрылся до того, как представление успело начаться.

– Это на какое-то время наша последняя ночь вдвоем, – сказал он.

Мы почти никогда не бывали наедине, но гостиная по ночам становилась нашей. Я ощутила его руки на своей талии, и мое сердце дрогнуло.

«Муж хочет заняться со мной любовью», – подумала я.

Но, судя по выражению глаз, его мысли витали где-то далеко. Он погладил меня по голове.

– Если бы не Ма, я бы давно отсюда уехал, – сказал он. – Я думал, когда мы приедем сюда, мы будем свободны. – Его грудь вздымалась, его била дрожь, но я не могла понять, от злости или от огорчения. – Держись подальше от Паши Моради. Ты поняла меня, Шейда?

Я не понимала. Но кивнула, потому что он говорил очень серьезно. Я почувствовала страх, от которого стыла плоть, а по коже побежали мурашки.

«Обними меня крепче, Хафиз!» – хотелось попросить мне.

Но он отвернулся, в одиночку борясь со своими демонами в дальнем темном уголке сцены.

25 февраля 1983 года

Серый ветер швырял в окна крупные хлопья снега. Злобный февраль бился в стеклянные панели так, что содрогались рамы. Я лежала на матрасе, забившись в теплую ямку, оставшуюся после Хафиза. Рассвет едва занимался, но муж был уже на ногах. В последнее время он делал так все чаще. Уходил первым, приходил последним. Я прислушалась, как Педар храпел на диване, радуясь долгим громким звукам, которые часто не давали мне спать по ночам, потому что это значило, что сегодня мне не придется будить Пашу Моради.

Я ненавидела заходить в его комнату после того, как Хафиз с Педаром уходили на работу. Она вся пропахла им, как перезрелым фруктом, пропитанным виски. Он был полной противоположностью Педару – большой, шумный, с розовыми щеками и пухлыми губами, которыми чмокал во время еды. Доев, он облизывал свои похожие на сосиски толстые пальцы, покрывая их липкой слюной вместо того, чтобы просто вымыть. И неважно, ели ли мы дома или вели его в ресторан, который был нам не по средствам. Паша Моради плевал на то, что думал о нем окружающий мир. Я уверена, что он нарочно выставлял свой член торчать из пижамных штанов под круглым волосатым брюхом, когда лежал в постели, ожидая, что я приду его будить. Но я держала это при себе. Ма и Педар молились на землю, по которой он ступал. Паша Моради не мог поступить дурно.

– Из всего мира вам надо было перебраться в этот богом забытый кусок промерзшей земли, – ругался он, засовывая пальцы в перчатки Педара.

Педар только смеялся, поглубже пряча замерзшие руки в карманы.

– Ты пахнешь вчерашней бараниной. – Паша Моради хлопал Ма по заднице и целовал в губы. Педар смеялся и подливал ему вина.

– Ну правда, Камаль. Да дыра моего шофера больше, чем вся эта ваша конура. Я не могу больше в ней спать. Грязный лифт, тараканы, вонючие проходы. Найди мне нормальное место.

Педар рассмеялся и позвонил риелтору.

Мне так понравились Боб Уортинг и его работа. Ему было примерно столько же лет, сколько Баба, и он занимался организацией встреч людей с их мечтой, заполнением пустующих помещений подходящими семьями. Я восхищалась прекрасными домами, которые он нам показывал. Величественный кирпичный особняк, скрытый среди высоких деревьев; обособленное имение с высокими потолками; уютное бунгало с ореховыми полами и каменным очагом.

Садиться в фургон Боба было все равно, что совершать путешествия в тот мир, что я оставила позади, где все надежно и спрятано за прочными стенами, где воздух благоухал цветением цитрусовых. После каждой поездки с Бобом я начинала мечтать об очень далекой возможности, о шансе, что когда-нибудь мы с Хафизом построим свое гнездо, и, может быть, я сумею снова отыскать и обрести часть себя, пропавшую в тот день, когда Мааман, Хуссейн и я бежали по холмам.

– Садись вперед, Камаль, – велел Паша Моради в тот день. Мы все садились в фургон. – Ненавижу беседовать с этими людьми. – Последнюю часть фразы он сказал на персидском. Под «этими людьми» он имел в виду Боба.

Он уселся рядом со мной на заднем сиденье. Я притиснулась поближе к Ма, стараясь избавиться от прикосновений к его толстому бедру, давящему на меня. От Ма пахло розовой водой и чесноком, а когда Боб включил обогреватель, запах еще усилился.

– Сколько тебе лет, Шейда?

Я ощутила на себе сальный взгляд Паши Моради.

– Этим летом исполнилось двадцать один.

– Совсем младенец. – Он обхватил меня рукой и прижал к себе. – Миленькая малышка.

Так и оставив руку у меня на плече, он начал поглаживать его круговыми движениями. Он дышал мне в ухо перегаром, но деться мне было некуда. Боб заметил все это в заднее зеркальце. Он уже не в первый раз замечал, что мне неудобно.

– А чем занимаетесь вы и ваш муж? – спросил он чуть позже, когда мы стояли у входа в новый коттедж.

Ма, Педар и Паша Моради рассматривали шкафчики в кухне.

– Хафиз работает в автомастерской своего отца. А я сижу дома.

– У вас очень хороший английский. Вы не думали искать работу?

Мы поговорили о том, какие у меня навыки. Да – высшее образование. Нет – никакого опыта работы.

– Знаете, я ищу себе помощницу – отвечать на звонки, вести документацию, всякие несложные задания. Зарплата не очень большая, но это позволит вам выходить из дома. – Он не делал намеков, но я поняла, что он подумал о руке Паши Моради на моем плече.

– Спасибо, – ответила я. – Но мой свекор не одобрит того, чтобы я работала вне дома.

– У меня тоже есть дочь на несколько лет младше вас, – сказал Боб, словно оправдывая свою заботу обо мне. – Вот моя карточка. На случай если вы передумаете.

Я сунула ее в карман, и тут из кухни вышел Паша Моради, качая головой.

– Не годится. Что у нас следующее?

Боб вычеркивал из списка один адрес за другим. Паше Моради ничего не нравилось.

– Слишком близко к дороге. Слишком шумно.

– Зачем мне такой большой задний двор?

– Слишком много света.

– Слишком мало света.

Белый квартал. Китайский квартал. Черный квартал. Индейцы. Нет. Нет. Нет. Нет. Слишком близко к автобусной остановке. Слишком далеко от автобусной остановки.

– Он никогда не съедет, – сказал Хафиз.

С каждым днем он казался все более изможденным. И нервным.

Мы с Ма начали шить на заказ, чтобы оплачивать продукты. Паша Моради не доедал остатков. Он требовал яиц каждое утро, баранину каждую пятницу. И каждый вечер Педар открывал новую бутылку виски.

– Ничего, – сказала как-то Ма, уколов палец. – Подожди. Увидишь. Он купит дом, он начнет большой бизнес. Сделает Камалю и Хафиза партнерами. И тогда все будет хорошо. Все будет хорошо.

Я подложила ей под ноги подушку, и мы продолжили шитье.

Тем вечером Паша Моради зашел в гостиную. Было сильно после полуночи. Я смотрела со своего матраса, как он постоял над диваном, покачиваясь над спящими телами Педара и Ма. Потом пошел в ванную. Спустя несколько минут Педар встал и пошел за ним. Они встретились в темном коридоре, как зеленые призраки в отсвете уличных фонарей. Педар погладил Пашу Моради по лицу. Паша Моради взял его за руку и повел в спальню.

21 марта 1983 года

– Будь готова к шести тридцати, – сказал Хафиз.

Я повесила трубку. Мое сердце сжалось. Впервые за несколько месяцев я услышала в его голосе искру жизни. Вместо того чтобы отмечать Навруз, первый день персидского Нового года, дома, Хафиз хотел сводить меня куда-то. Я знала, что, когда мы вернемся, Ма и Педар будут недовольны, но обед я приготовила, и у меня еще оставалось время, чтобы вымыть посуду и заскочить в душ.

Прибираясь, я напевала. Мне так редко удавалось остаться дома одной. Я надеялась, что друг, навещать которого пошел Паша Моради, оставит его и на ночь. А может, на две или три. А еще лучше – навсегда.

Ну да, мечтай. Я потрясла головой. Хорошо бы.

Мне нравилось смотреть на нарядный Хафт син, традиционно украшенный стол, который мы накрыли для Навруза. Он символизировал приход весеннего равноденствия и возрождение природы. Посередине стояли семь вещей, начинающиеся с буквы «син» персидского алфавита. Свечи, которые мы зажигали вместе с Хафизом, освещали изящно расставленные зеркала, яйца, монетки, орехи и гранаты. Может быть, Ма была права.

– Свечи приносят добро. Тепло. Придет весна, – говорила она. – Зло уйдет. Зима уйдет. Но пусть они догорят. Если задуть, не к добру.

Я чувствовала себя довольно глупо, когда она объясняла мне вещи, которые я должна была знать с детства. Но у нас Хафт син всегда накрывали слуги, а потом это делала Мааман, но молча и неохотно.

Мы с Ма неплохо ладили. Я пыталась представить ее шестнадцатилетней, с блестящими волосами, развевающимися вокруг юного лица, когда ее выдали за Педара. Но это было довольно сложно. Лицо Ма искажала постоянная гримаса, которая была тем сильнее, чем больше опухали за день ее ноги. Единственное, что отвлекало ее, был стеклянный шкафчик. Я слегка протерла его, думая, что же за мечты стояли там, застыв в форме фарфоровых семейств, глядя на которые она улыбалась.

Взволнованная предвкушением предстоящего, я побежала в душ. Хафиз сохранял дистанцию, но, может, сегодня... Я взяла шампунь, вспоминая наши беседы шепотом с Саломе и то, что она говорила мне про парней. Может, все дело в отсутствии уединения, как думала Фарназ. Может, если мы с Хафизом будем где-то только вдвоем... Покраснев, я завернулась в полотенце и вышла из душа.

Поставив ногу на край ванной, я начала намазывать ее лосьоном. Я знала, что мой муж хочет меня. Иногда желание в его глазах было таким ярким, но он всегда отворачивался, словно натываясь на невидимую стену.

Мне в шею дунуло холодом.

А потом я учуяла его.

Виски.

Я обернулась и застыла.

В дверях, глядя на меня, стоял Паша Моради.

Поглаживая себя.

В моей голове пронеслась тысяча разных мыслей, но ни одна не помогла мне.

С покрасневшими, жадными глазами он протянул руки и сорвал с меня полотенце. Я отбивалась, цепляясь за занавеску душа. Динь-динь-динь – падали на пол металлические колечки. Мои суставы застыли от холода, сырой туман заполнил легкие так, что нечем было дышать. Паша Моради прижал меня к полу. Или к стене. Я не разобралась. Я не понимала, где верх, где низ. Я только чувствовала его дыхание на своей шее, его руки на своих бедрах, металлический вкус крови во рту.

Я брыкалась. Вырывалась. Дралась. Я чувствовала жесткие, курчавые волосы на руках Паши Моради, когда он стиснул меня поперек тела. Он поднял меня и швырнул на раковину

вниз лицом. Мои ноги скользили по полу, по луже разлившегося лосьона. Я давилась сладким лавандовым запахом, моя щека ударилась о фарфор раковины.

«Нет! – кричала я. – Это же Навруз. Я иду ужинать со своим мужем!»

Но Паша Моради не слышал моих безмолвных криков. Схватив меня за волосы, он потянул с такой силой, что я увидела его искаженное лицо в зеркале, все еще запотевшем после душа. Другой рукой он начал расстегивать штаны. Я слышала треск молнии, звук, с которым все мои мечты унеслись в ржавый слив раковины. Я зажмурилась, стараясь не думать, как в меня вонзится его мерзкий лиловый член.

Мои руки взметнулись, как у тонущего, который из последних сил старается удержаться на поверхности. Пластмассовая полочка над раковиной рухнула. Зубная паста. Расческа. Мягкий шелест зубных щеток. И тут мои пальцы коснулись холодного колечка.

Ножницы. Маленькие маникюрные ножницы Хафиза. Те, над которыми я смеялась, когда заставляла его подстригающим волосы в носу.

Я почувствовала, как жирное колено Паши Моради раздвигает мне бедра.

Схватив ножницы, я ткнула их назад острыми концами. Паша Моради зашипел – я проткнула этот надутый шар его тела. Но этого было мало. Его хватка оставалась такой же крепкой. Я вытащила ножницы и ударила снова, со всей силой, вызванной отчаянием. На сей раз он завизжал и отпрянул.

Я так дрожала, что едва смогла оттолкнуться от раковины. Мои ноги скользили по мокрому полу, покрытому лосьоном и кровью. Я вырвалась из ванной, таща за собой сорванную занавеску. Я уже видела входную дверь. Мое сердце билось в диком облегчении.

Я уже почти спаслась, когда он схватил меня за ногу.

Я пыталась хвататься за натертые доски паркета, когда Паша Моради тащил меня за ноги в гостиную. Когда он перевернул меня, первое, что я увидела, это ножницы, торчащие из его глаза, как в каком-то ужасном мультфильме. А потом – его лицо. Искраженное яростью, с красными дьявольскими слезами, стекающими по щеке. Он дважды ударил меня по лицу. Каждый раз у меня клццали зубы, а с моих мокрых волос разлетались капли воды. Затем он схватил меня руками за шею и сжал. Я вцепилась в эти руки, мои ноги задергались на полу. Он мог бы убить меня, но ему слишком все это нравилось. Так что он слегка отпустил руки и дал мне глотнуть воздуха прежде, чем стиснуть их снова.

Я чувствовала, что проваливаюсь в окружающую меня темноту, но потом сквозь туман снова выплыло его распухшее лицо, и я начала хохотать. Он был таким убогим, как большая надутая рыба, с этими ножницами, торчащими из одного глаза, как нож, воткнувшийся в желе.

– *Дженде!* – ударил он меня снова.

Ему не нравился мой смех, но я не могла остановиться.

Большая пыхтящая рыба-шар разносила наш дом вдребезги.

– Тебе нравится, когда больно? – он снова начал теревить свой бессильно повисший член.

Острый предмет в глазу оказывает на мужское либидо такое действие.

Я засмеялась громче.

Я словно вышла за пределы собственного тела, оказавшись словно в каком-то другом месте, обернутая в кокон, который приглушал все ощущения. Но мое тело все равно сжалось при мысли об этом. Сколько раз девушка представляет себе свой первый раз? Сколько у нее таких идеальных, золотых сценариев? Я рассмеялась над горькой иронией происходящего.

– Заткнись! – он плюнул в меня, его лицо покраснело от усилий, он все еще пытался вызвать у себя эрекцию.

Кровь, скопившаяся в металлических кольцах, торчащих из его глаза, капнула мне на лицо. Я подумала: если я выдерну ножницы, может, его склизкие, свернувшиеся мозги тоже вытекут, и рассмеялась еще сильнее.

Следующий удар рассек мне губу. А может, это случилось еще раньше. Я уже не знала. Когда же почувствовала, как тело Паши Моради приподнялось с меня, я была так запачкана, что мне хотелось удержать на себе его удушающий вес, чтобы он выдавил из меня остатки жизни.

– Чертов ублюдок!

Голос Хафиза. А потом – звуки борьбы. Повернув голову, я увидела их ноги. Великаны, чьих лиц было не разглядеть, крушили и громили мир вокруг. Что-то падало, что-то билось. Или кто-то. Паша Моради держался за глаз, пытаясь остановить льющийся между пальцами поток крови. Ножницы валялись на полу. Хафиз лупил его окровавленными кулаками.

Паша Моради схватился за золотую скатерть, которая покрывала Хафт син, и попытался подняться. Его лиловый член болтался, как сморщенный баклажан. Монеты дождем посыпались со стола, разлетаясь по полу. На рубашке Хафиза краснели отпечатки ладоней, словно детский рисунок.

Паша Моради схватил со стола Хафт син зеркало и швырнул в Хафиза. Блюдце с проросшим овсом, который мы с Ма начали выращивать несколько недель назад, упало. Хафиз увернулся, но Паша Моради попал ему по затылку, когда он выпрямлялся. Повсюду разлетелись серебряные осколки. Хафиз отпрянул, схватившись за голову. Стараясь удержать равновесие, он схватился за стол.

– Что, малыш, добавить тебе? – ухмыльнулся Паша Моради, вытирая кровь с лица тыльной стороной ладони.

Хафиз замер. В нем что-то сломалось. Когда он выпрямился, его лицо исказила просто безумная ярость. Он с диким криком кинулся на Пашу Моради. Они превратили раскрашенные в нежные цвета крутые яйца, скатившиеся со стола, в радужную кашу. Как дикий зверь, вырвавшийся из клетки, Хафиз швырнул Пашу Моради на колени.

И тогда пальцы Паши Моради сомкнулись вокруг подсвечника. Он взмахнул дымящим огнем в сторону лица Хафиза. Горячий воск брызнул ему на кожу. Паша Моради поднялся, держа Хафиза на расстоянии.

– Ты думал, ты теперь большой, а? – Он рассмеялся жутким, хриплым, дрожащим кашлем. – Да ты даже свою бабу защитить не можешь.

Он шагнул в мою сторону, но споткнулся, зацепившись за свои же болтающиеся вокруг ног штаны и рухнул на спину, врезавшись в стеклянный шкафчик Ма.

Шкафчик закачался. На какую-то секунду казалось, что он может удержаться. Но потом он опрокинулся прямо на Пашу Моради. Стеклопанели разлетелись, ударившись о падающее тело. Блестящие крошечные семейства разбились на миллион осколков.

Раздался скрип входной двери. Педар застыл на месте, не договорив приветствия. Подсвечник выпал из протянутой руки Паши Моради, пламя погасло. Он лежал лицом вверх, один глаз смотрел на нас, как в фильме ужасов, тело дергалось, как на пружинах, исторгая из себя потоки ярко-алой крови. Сумка Ма упала на пол с глухим звуком.

– Что тут произошло? – лицо Педара было пепельного цвета.

– Этот гнусный ублюдок напал на нее. – Хафиз завернул меня в порванную занавеску из душа и перенес на диван.

– Придержи язык! – Педар перешагнул осколки своими натертыми до блеска новогодними туфлями. – *Джигар?* – он пытался терзать тело, но Паша Моради не отвечал.

– Чего ты ждешь? – закричал Педар на Хафиза. – Вызывай скорую!

– Он умер. И я надеюсь, сгниет в аду.

– Хафиз! – Ма обрела голос. – *Бе педарет гуш кон!*

– Слушать отца? С чего бы? Он меня не слушал. Да, Педар?

Педар не ответил, судорожно набирая телефонный номер.

– Даже сейчас, – рассмеялся Хафиз, – даже сейчас он не слышит меня. – Он резким движением скинул телефон с тумбочки. Тот обрушился на пол с громким треском.

Педар замер, сжимая в руках телефонную трубку и раскрыв рот.

– Я приходил к тебе. Говорил тебе. И ты ничего не сделал. Ничего!

– Это было давно. Ты просто выдумывал, тебе казалось.

– А это? – указал Хафиз на меня. – Это я тоже выдумал?

– Она сама виновата.

– Ты трус, – голос Хафиза задрожал. – Ты пытаешься прятать голову в песок. Можешь говорить себе все, что хочешь, но ты знаешь, что это сделал он. Так же, как ты знаешь, что он насиловал меня.

Некоторые слова, будучи произнесенными, выпускают демонов наружу даже из тщательно заколоченных гробов.

– Хафиз, – я попыталась заговорить, но слова застревали в горле.

– Ты думаешь, я не знал? – продолжал Хафиз. – Что за фарс вы вдвоем устраивали все эти годы?

Звук ладони Педара, опустившейся на щеку Хафиза, отозвался эхом в наступившей тишине. Ма только открывала и закрывала рот, как рыба, вытасенная из воды.

– На, – Хафиз поднял телефон и сунул Педару. – Звони. Скажи им, что твой сын убил твоего любовника.

10 июня 1983 года

У Боба Уортинга был небольшой офис, где я проводила рабочий день, отвечая на звонки, назначая встречи и занимаясь документами. Он предложил мне эту работу после того, как расследование оправдало нас с Хафизом в смерти Паши Моради. Полиция пришла к выводу, что произошел несчастный случай, и мы действовали в порядке самозащиты. Заявление Боба Уортинга о том, что он видел, как Паша Моради приставал ко мне, тоже помогло. Так что я работала не только ради зарплаты; это была еще и благодарность Бобу. Он познакомил меня не только с автоответчиком, факсом и пишущей машинкой, но и со своим домом, женой и дочерью.

– Он ушел? – В офис зашла Джейн, заспанная, с взлохмаченными волосами, в майке и шортах.

– У твоего отца деловой обед.

– Но еще только... – Она взглянула на часы. – Ой.

Трудно было не любить Джейн. Она села напротив меня и уткнулась подбородком в колени.

– Райан приедет уже через несколько недель, – улыбнулась она.

– Ты, наверное, очень рада снова увидеть брата.

– Да... – Она помолчала, а потом робко улыбнулась.

– Но?..

– Но мне еще очень хочется познакомиться с его другом.

– Ах. С другом.

– Знаю-знаю. Тебе все это уже в ушах навязло, но, Шейда, он тако-о-ой замечательный.

– Я уже говорила, Джейн, что он для тебя слишком стар, – сказала ее мать из кухни.

Джейн закатила глаза.

– Ему двадцать один. Разве это старость? А ты могла бы не подслушивать! – Она встала и закрыла дверь. – Клянусь, она все слышала.

– Не все, – дверь открылась, и заглянула Элизабет. – Я просто говорю. Ты в старшей школе, а он в колледже. К тому же не думаю, что он станет ухаживать за шестнадцатилетней сестренкой своего друга.

– Мне семнадцать! – Джейн сложила руки на груди и уставилась на меня. – Сколько лет разницы у вас с Хафизом, Шейда?

Шесть лет. Но я не хотела вступать в спор.

– Думаю, мне сейчас стоит пообедать, – сказала я.

– О-о-о, как вкусно выглядит, – поглядела Джейн на еду, которую я принесла из греческого ресторана Фарназ.

– Джейн. Это невежливо, – сказала ей мать.

– Нет-нет, все нормально. Хочешь? – предложила я.

– Угу.

– Ну правда, Джейн, – Элизабет покачала головой. – Надеюсь, Шейда, что ты любишь пастуший пирог⁴, потому что я хочу пригласить тебя пообедать со мной.

– Пастуший пирог – это прекрасно, – ответила я.

Мне надоело есть остатки из ресторана. Мы с Хафизом работали там по вечерам. Бехрам и Фарназ были так добры, что разрешали нам спать в подсобке, когда ресторан закрывался. Мы собирались переехать, как только Хафиз найдет работу.

Закончив работу у Боба, я пришла в ресторан к шести вечера. Заперев дверь туалета, я привела себя в порядок к вечерней смене. Губка, мыло, теплая вода. По понедельникам, когда ресторан был закрыт, я мыла в раковине голову. Всякий раз, когда я смотрела в зеркало, мне до сих пор виделся там Паша Моради, чье перекошенное лицо выглядывало из-за моего плеча. Я надела передник и сделала глубокий вдох, радуясь, что в ресторане еще пусто. Но до появления толпы в пятницу вечером оставалось совсем недолго.

Когда я накрывала столы, звякнул колокольчик над дверью.

– Привет, Фарназ, – поздоровалась я.

А потом увидела женщину, стоявшую позади нее.

– Ма!

Она протянула мне руки.

За три месяца с того дня, что мы с Хафизом ушли из их дома, она словно съежилась. Ее глаза глубоко западали, а морщины на лице стали глубже. Я пододвинула стул и усадила ее.

– Я буду в кухне, – сказала Фарназ, исчезая за дверями.

– Я попросила... она привела меня, – выдохнула Ма.

– Вы в порядке?

– Я пришла повидать Хафиза.

– Он скоро придет.

Объявления, интервью, бюро по трудоустройству. Вот что он делал целыми днями.

– Подожду, – сказала она. – А ты как?

– Нормально.

Должно быть, она сама все поняла, потому что обмякла на стуле и закрыла глаза.

«Посмотрите, – хотела я сказать ей, – мое лицо зажило. Синяки сошли, порезы затянулись. Остался только шрам на разбитой губе. Я правда в порядке».

Но я не могла найти слов, чтобы утешить ее. Что я могла сказать, чтобы утешить мать, которая узнала в тот день всю ужасную правду?

В ресторан вошла пара, и я извинилась. Я как раз протягивала им меню, когда вошел Хафиз.

– Получил, – сказал он.

⁴ Блюдо британской кухни: картофельная запеканка с мясным фаршем и приправами. – Прим. ред.

В его взгляде должно было ощущаться больше радости, в голосе – больше торжества, но всего этого не хватало. Смерть Паши Моради должна была освободить его, но всякий раз, глядя на меня, он заново вспоминал обо всем.

– Я думал, ты в безопасности, – сказал он той ночью, обрабатывая мои раны. – Я думал, он по мальчишкам. По мужчинам. Но дело не в этом. Дело в его власти над людьми. – Хафиз носил свою вину, как оболочку из ненависти к себе, даже сейчас, когда должен был бы радоваться новой работе.

– Ты будешь водить грузовик? – спросила я.

– Мне надо будет подучиться, но им понравилось, что я умею чинить машины. Я начинаю со следующей недели.

– Здорово, – я почувствовала небольшое облегчение.

Мы так нуждались в этом. В ощущении, что мы заслуживаем удачи. В надежде на завтрашний день.

– Хафиз, – я указала себе за спину. – Пойди поговори с ней. – Оставив его с Ма, я пошла к посетителям.

Когда я вернулась, Ма выглядела расстроенной.

– Заставь его понять, – сказала она. – Он говорит нет. Говорит мне нет.

– Ма, – взял Хафиз ее руку, – сейчас неподходящее время, но у нас уже скоро будет свое жилье. У меня теперь есть работа. Обещаю, что приду и заберу тебя.

– Сейчас. Возьми меня сейчас, – заплакала она. – Я не могу с ним жить. Я останусь тут. Останусь. Я шью. Я готовлю. Я помогу. – Она закашлялась, судорожно хватая ртом воздух между приступами кашля.

– Тетушка, надо идти, – ласково похлопала ее по плечу Фарназ.

Ма поглядела на Хафиза.

– Скоро, Ма, – пообещал он.

Она медленно пошла к дверям. Я подумала, как же должны болеть ее распухшие ноги.

Вечер прошел в сплошном потоке еды, грязных тарелок и громкой музыки. Когда все закрылось и мы легли спать, я расставила вокруг матраса мышеловки – единственный способ спокойно спать после ужаса первой ночи здесь.

Мы лежали на матрасе спиной к спине. Теперь я понимала, почему Хафиз спал, отвернувшись от меня. Во сне ты уязвим, это незащищенное время, и ты не хочешь, чтобы кто-то видел твое лицо, когда темные тени искажают его черты, отражая на нем твои сны.

Нас разбудил резкий звонок телефона. Хафиз, спотыкаясь, пошел на кухню, чтобы ответить.

Я взглянула на часы. Три пятнадцать утра.

Когда Хафиз не вернулся, я пошла искать его.

– Это Фарназ звонила. – Он сидел за одним из столов в зале, едва различимый в темноте. Я начала дрожать, потому что поняла – случилось что-то плохое.

– Ма... – Он не отрывал глаз от стоящей на столе солонки, переводя взгляд с нее на свои руки. – Она ушла...

– Куда? – Я подумала о ней, запертой в этой крошечной квартире, смотрящей на пустое место, где стоял ее стеклянный шкафчик.

– Шейда, она умерла. Врачи сказали, ее сердце больше не выдержало. Что они понимают? – Хафиз рассмеялся. Это был горький звук, похожий на стон. – Это все я. Это я подвел ее.

– Не казни себя, – сказала я.

Напротив, через улицу, менялись огни светофора. Красный, желтый, зеленый – все они отбрасывали на наши лица странный отсвет. Улицы были пусты, а они продолжали гореть, меняясь по заданной схеме.

– Когда будут похороны? – спросила я после бесконечно долгой паузы.

– Педар не хочет видеть нас там.

– Это твоя мать. Он не может тебе помешать.

– Может, так и лучше. Если я его увижу, я его убью.

– Хафиз... – Я протянула к нему руку, но он отшатнулся.

– В тот день, когда мы встретились, я хотел только, чтобы Ма от меня отстала. Я думал, скажу: «Вот. Я ее увидел. Она мне не нравится». Я и раньше так делал. Я не мог сказать ей, что я искалечен, что никакая девушка этого не заслуживает. – Он все крутил в руках стеклянную солонку.

– Но ты мне понравилась, – сказал он. – Ты была милая. И невинная. Я подумал, если пробуду какое-то время рядом с тобой, то стану... менее грязным. И вот я поднял тебя на пьедестал, как те фигурки, что так любила Ма. Я хотел, чтобы ты оставалась чистой, чтобы была в безопасности. А вместо этого затащил в грязь и тебя. Я подвел тебя, Шейда, так же, как сегодня подвел Ма.

Я смотрела, как он опустил голову на стол. Он тонул, захлебывался, позволяя волнам вины и стыда захлестнуть его. Картина на стене ресторана, изображавшая Посейдона, словно дразнила меня. Я видела на ней Пашу Моради, восставшего из глубин, собирающегося пронзить Хафиза своим трезубцем.

Нет.

Он забрал мальчика. Но мужчину он не получит.

Я обняла Хафиза. Я стала баюкать его. Убрала с его лица прядь волос. Я собрала расплывающиеся куски и сложила их воедино. Когда он наконец взглянул на меня, я поцеловала его. Когда он отвернулся, я поцеловала его. Я целовала с него слои въевшейся скорби, чтобы он вновь почувствовал себя чистым. Я отдала ему все, чего хотела бы для себя. Любовь, и нежность, и желание принадлежать. И постепенно он повернулся ко мне в темноте и прижался лбом к моему.

Я стянула с плеч лямки своей ночной сорочки и заставила его поглядеть на меня. Моя кожа светилась красным, желтым, зеленым. Я взяла его руку и прижала к своей мягкой, теплой плоти. Он ахнул и наконец позволил себе дышать.

– Шейда... – Он обхватил меня и приподнял.

Мы занимались любовью, вцепляясь друг в друга из чистого эгоизма. Ему нужно было спрятаться от боли, а я так хотела быть желанной. Мы были связаны большим, чем наши золотые обручи. За нами охотился один и тот же хищник, и я знала: когда Хафиз, беря меня, прикроет мое лицо, так будет всегда.

10. Путаница

10 ноября 1995 года

Я достала алое пальто, которое Хафиз купил мне той первой зимой. Оно уже немного обтрепалось, но все равно напоминало мне о горячей пище и юных мечтах.

Я повезла детей в общественный центр. Заин начал вместо плавания заниматься игрой на гитаре.

– Ненавижу! – говорил он про уроки плавания для начинающих.

– Но это важное, полезное умение. Надо научиться плавать.

– На будущий год. Ну пожа-а-алуйста? – и сделал щенячьи глаза. Мы поддались и купили ему гитару.

Наполненные его музыкой, уроками рисования Наташи и моими показами домов, выходные всегда проходили бурно. Оставив детей на занятиях, я поехала за покупками.

– Пожалуйста, с вас 84,56.

Я протянула кассирше карточку.

– Шейда?

Я взглянула на нее внимательнее.

– Марджана? – Бывшая жена Хуссейна. Когда-то моя невестка.

Она вернула мне карточку. Казалось, ей было неловко.

– Я только начала тут работать.

– Как твои дела?

– Хорошо. – Она взглянула на очередь за моей спиной. – А как Мааман?

– Нормально, – ответила я.

Человек, стоящий за мной, довольно громко кашлянул.

– Рада была тебя увидеть. – Я забрала свои пакеты.

– И я.

Я вышла из магазина, думая о ней.

Марджана – девушка, чью судьбу я, возможно, украла.

В Тегеране наши отцы были деловыми партнерами. Они планировали отправить меня и Марджану за границу. Каждый день они откладывали деньги на наши билеты. Когда денег набралось на один билет, на радостях был устроен большой пикник. Там собрались обе наши семьи.

Мы ели, играли в разные игры, а потом настал момент решать, кто из нас полетит.

– Бросим монетку, – сказал Баба. – Хуссейн, принеси из машины мой кошелек.

– Нам не нужна монетка. Есть же это, – Аму Реза, отец Марджаны, указал на камушки под ногами. – Возьмем два, белый и черный. Черный – остаться, белый – лететь.

– Ты старше, – сказала мне Марджана. – Тебе выбирать первой, так честно.

Все собрались вокруг, смеясь и болтая. Я была единственной, кто видел, как Аму Реза подбирает камушки с земли. Он взял два черных. Было неважно, какой из них я вытащу. Он сделал так, чтобы его дочь наверняка стала той, кто поедет.

Аму Реза сжал камушки в руках и вытянул руки вперед.

– Давай, – сказал он. – Выбирай.

Разоблачить его означало бы опозорить его перед всеми, а для мужчины честь важнее всего. Так что, сделав глубокий вдох, я постучала по его правой руке. Пока он переворачивал ладонь, я сделала вид, что споткнулась и упала на него, скинув камешек с его ладони. Он упал и смешался с другими камушками на земле.

– Простите, – сказала я.

– Ничего страшного. Сейчас попробуем снова. – Аму Реза потянулся за новым камушком.

– Да не надо, – сказала я. – Просто посмотрите, какой камушек у вас остался, и мы узнаем, какой выбрала я.

Аму Реза прищурился. Он понял, что я знала. Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом он медленно повернул руку ладонью вверх.

– Черный! – воскликнул Баба. – Это значит, Шейда выбрала белый камушек.

– Поздравляю, – Аму Реза посмотрел на меня с неприязненным уважением.

– Я рада за тебя, – обняла меня Марджана.

И вот теперь она здесь, еле сводит концы с концами. Когда Мааман сообщила мне, что она выходит за Хуссейна, я испытала облегчение. Она в конце концов попадет в Канаду. Какой стала бы ее жизнь, если бы я позволила Аму Реза исполнить его план в тот день? Какой стала бы моя?

Я села в машину и взглянула на часы. Забирать детей еще рано. Я выехала на шоссе и неожиданно для себя вдруг оказалась в парке, куда возил меня Трой. Золотые листья облетели и теперь лежали у меня под ногами, хрупкие и бесцветные. Я присела на лавочку, глядя на холодное небо и голые ветви.

Мои часы запищали. День поминовения. Я поставила их на одиннадцать утра. Закрыв глаза, я попыталась отдать молчаливый салют всем тем, кто погиб за свободу, которая сегодня есть у меня, но перед моим внутренним взором всплывали только красная бабочка, голубое небо, пламенеющая долина.

Где-то в ткани всех прошедших лет наши жизни переплелись и спутались, как неровные нити, стянутые и связанные во всевозможные узелки. Кто мог знать, что та единственная ночь останется с нами так надолго? Я помнила ее, словно все происходило вчера.

11. Фейерверк

ПРОШЛОЕ

1 июля 1983 года

- Было очень вкусно, – сказала я, собирая тарелки. – И Джейн так чудесно украсила стол.
- Она вообще неплохо устраивает праздники, да? – улыбнулась Элизабет.

Мы отошли, чтобы полюбоваться ее работой. Даже с грязными тарелками и мятыми салфетками стол, накрытый ко Дню Канады⁵, выглядел прелестно. Карточки для гостей, воткнутые в сосновые шишки, теперь валялись на боках по красной клетчатой скатерти, как сытые гости. Белая полоса в центре стола оттеняла винные бутылки, в которых стояли яркие герберы, а на стенах, как знамена, висели красно-белые клетчатые полотна.

Я откусила кусочек песочного печенья в форме кленового листа и поморщилась.

- Если бы она еще и пекла так же хорошо.

Элизабет рассмеялась.

- Я не могу загнать ее на кухню, но, может, она хоть тебя послушает.

– Зачем готовить, если можно все заказать? – В кухню вошла Джейн. – Вы же не думаете, что печенье может кого-то впечатлить?

Мы покачали головами.

- А кексы?

Мы с Элизабет обменялись сомневающимися взглядами.

Джейн уселась на кухонную тумбу и заболтала ногами в воздухе.

- Ну как, как я могу заставить его заметить меня?

– Джейн, – сказала ей мать. – Ты что, все еще пытаешься обратить на себя внимание Троя?

– Это бесполезно, – ответила Джейн. – Он считает меня ребенком. А встречается с моделями и чирлидершами. Какие у меня шансы?

– Он встречается со своими ровесницами. И тебе стоит поступать так же. Вокруг тебя целая куча хороших мальчиков, а ты всем отказываешь.

- А я не хочу хороших мальчиков.

– Так, юная леди, а теперь изволь послушать меня. У Троя определенная репутация, но даже он понимает, что тебя нельзя даже рассматривать. Так что, если не хочешь разбить себе сердце, лучше тебе прекратить эти бессмысленные мечты.

Джейн надулась.

- Но мне можно хотя бы пойти с ними сегодня посмотреть фейерверк?

- А кто еще идет? – спросила Элизабет.

– Райан, Эллен и Трой.

– Райан и Эллен – пара. Пожалуйста, скажи мне, что ты не собираешься устроить с Троем двойное свидание?

- Мам!

– Значит, собиралась! – Элизабет покачала головой и посмотрела на меня с выражением лица, которое бывает только у матерей подростков.

– А что, если Шейда тоже пойдет с нами? – спросила Джейн. – Тогда это же не будет двойное свидание?

- Я уверена, что у Шейды есть свои планы.

⁵ Национальный праздник Канады, годовщина подписания 1 июля 1867 года акта о Британской Северной Америке, объединившего три провинции в единое государство Канада. – Прим. ред.

– Нет, нету, – ответила Джейн. – Хафиз вернется только в воскресенье.

Элизабет повернулась ко мне.

– Ты когда-нибудь бывала на фейерверке в честь Дня Канады в заливе Эшбридж?

– Нет. Я собиралась посмотреть по телевизору.

– Это не то же самое. Мы с Бобом перестали туда ездить из-за толпы, но вы должны сходить. Если не в этом году, то в следующем.

– Пойдем! Будет здорово! – Джейн соскочила с тумбы. – Шейда, ну пожалуйста? Если ты пойдешь, мама и меня отпустит, правда же?

– Прекрати прикрываться Шейдой. – Элизабет начала убирать в холодильник остатки еды.

У нее за спиной Джейн молитвенно сложила руки.

– Пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА, – беззвучно говорила она.

– Ладно, я пойду.

– Да-а-а! – Джейн схватила меня в объятия. – Я тебя люблю, люблю, люблю-ю-юю!

Я рассмеялась, но смех получился странным – смущенным и неловким, потому что меня слегка ошеломило это неожиданное проявление симпатии.

– Почему бы вам не пойти к Бобу и Райану? – сказала я. – А я закончу с уборкой.

– Ты уверена? – спросила Элизабет.

– Ну это меньшее, что я могу сделать.

– Спасибо, Шейда.

Джейн проследила, как мать вышла к мужчинам во двор.

– Скажи мне, как там появится Трой, – и, подмигнув мне, она умчалась в своих драных джинсовых шортах и коротком топике.

В последнее время она довольно сильно оголялась. Но, с другой стороны, она переживала первую подростковую влюбленность, и ее было не остановить. Я восхищалась ее открытостью, тем, как она стремилась навстречу миру, ожидая, что он раскроется ей, исполняя ее мечты.

Убрав все кастрюли, я раздвинула стеклянную дверь и остановилась, улыбаясь увиденному на улице. Райан гонялся со шлангом за Джейн. Она визжала и швырялась в него тапками. Первый промахнулся; второй попал Райану прямо в челюсть.

– Ах так, ну теперь держись, – заорал он, целясь в нее.

Джейн спряталась за кресло Боба.

– Черт! – сказал Райан, попав вместо нее в отца.

Теперь за Райаном гонялся Боб.

– Кончайте, – замахала на них Элизабет. – Ну почему мы никогда не можем посидеть, как нормальная семья, наслаждаясь тишиной и покоем?

Все трое, ухмыльнувшись, кинулись на нее, а она с криком убежала на другую сторону бассейна. Я уже не могла сказать, что случилось потом, потому что у меня перед глазами все расплылось. Я снова стояла, держась за прохладное стекло, и смотрела на четыре ожившие счастливые фигурки.

Я отвела глаза, стараясь сфокусировать взгляд на деревьях. Если бы они не были такие густые и темные, я могла бы не заметить их – глаза, глядящие на меня в отражении: сияющие, ярко-голубые, как небо, просвечивающее сквозь листья. Силуэт Троя отражался в стекле, он стоял позади меня, и мне было слишком поздно прятать лицо. Я не смела вдохнуть, чтобы слезы, дрожащие на моих ресницах, не скатились по щекам.

Облака бежали по небу, листья трепетали на ветру, но тут, с нашей стороны стеклянной двери, все словно застыло. Я чувствовала себя как насекомое под микроскопом. Но вместо холодного любопытства я увидела в его глазах что-то другое, что-то неожиданно ошеломляющее. Я дернулась в сторону от двери, но он прижал мою руку к стеклу. Его пальцы накрыли мои инстинктивно успокаивающим жестом.

Какое-то время я сопротивлялась этой обезоруживающей нежности от постороннего человека, стыдясь того, что он застал меня в момент слабости. Но потом его руки обхватили мою талию, отстраняя меня от двери, от той сердечной боли, которую он разглядел в моем отражении. И я оставила свою борьбу. Я кинулась в убежище его объятий, и он, не задавая никаких вопросов, впустил и принял меня.

В этот момент что-то переменялось. Для меня. Для него. Как тогда, когда солнце встречается с луной и день оборачивается ночью. Они наконец видят друг друга и зависают, потрясенные, невзирая на то, что пересечение их орбит погружает во тьму все остальное. И ради этих кратких моментов имеет смысл все остальное – сложный порядок отдельных траекторий их существования, бесконечный порядок в основе хаоса.

Я ощутила тепло нагретой солнцем земли под ногами, радость прогулки под колючими лимонными деревьями и охоты на стаи бабочек среди весенних цветов. Я снова почувствовала себя дома.

Громкий всплеск вернул нас к реальности.

Я вырвалась и отскочила в сторону, чувствуя себя сорвавшейся с неба звездой.

– Я тебя достану! – закричал Райан от бассейна.

Джейн с визгом кинулась в сторону дома.

– Трой! – увидев его, она остановилась и отодвинула стеклянную дверь.

– Привет, Джейн. – Он встал между нами и заслонил меня, давая возможность прийти в себя. – А вы вообще когда-нибудь запираете входную дверь?

– Мы ждали тебя, – она обняла его и замерла, пока он не отцепил со своей шеи ее руки.

– Мы?

– Я тоже иду! – Она просияла. – И Шейда!

– Ясно. – Он поглядел на меня и снова на Джейн. – Райан готов?

– Ему нужно просохнуть. Я его как следует облила, – ухмыльнулась она.

– Пойду скажу ему, что я тут. А пока почему бы тебе не переодеться?

– А что не так с этой моей одеждой?

– Замерзнешь, – ответил он, не моргнув глазом. – Мы же будем у самой воды. Лучше надень что-то подлиннее.

– Ла-а-адно, – вздохнув, она умчалась, только хвостик на затылке мелькнул.

Ее отсутствие создало дыру, которая всосала в себя весь воздух в комнате.

– Боюсь, я тоже неподходяще одета, – я попыталась разрядить возникшее между нами электрическое напряжение светской беседой.

– Ты отлично выглядишь. Вот так, как есть, – ответил он, не отводя глаз от моего лица.

Я разгладила платье, чувствуя, что краснею под его неотрывным взглядом.

– Эй, – вошел Райан, вытирая волосы полотенцем и явно не замечая возникшего вокруг нас напряжения.

– Трой, это ты? – крикнул Боб со двора. – Дети, вы бы поторапливались, если собираетесь попасть туда.

– Как только переоденусь, – сказал Райан по пути в свою комнату.

– И не оставайтесь там допоздна, ясно? – сказала Элизабет.

– Да, Ма, – появилась Джейн в джинсах и скромной блузке на пуговицах. – Идем! – Она взяла меня под руку. – Пока она не передумала.

По пути мы выбрали Эллен. Темно-рыжие волосы, теплая улыбка – неудивительно, что Райан от нее без ума. Здоровались они очень радостно. Я же уставилась в одну точку на стекле окна, за которым быстро темнеющее небо становилось глухого синего цвета.

Доехав до озера, мы попали в сплошную пробку. Между стоящими машинами сновали пешеходы; при виде огромного объявления «ПАРКОВКА ПОЛНА» водители разворачивались и пытались уехать.

– Нам никогда не успеть, – сказал Райан.

– Никогда не говори «никогда», – Трой свернул на заправку. – Отсюда мы можем дойти пешком.

– Но они заберут твою машину, – сказала Джейн.

– Пойду спрошу. – И он зашел в здание, позвякивая ключами.

Через несколько минут он вышел.

– Все в порядке. Можем идти.

Женщина средних лет в синем форменном жилете помахала нам в окно.

– Ох уж этот Трой, – рассмеялась Элен. – Он кого хочешь очарует.

Мы перешли улицу и вышли на пляж, где люди уже устраивались на расстеленных пледах в ожидании шоу. Аромат озерной воды смешивался с запахом жареных сосисок и бенгальских огней. Я трусила позади Джейн, жалея, что не надела другие туфли. На моих каблуках идти по пляжу было невозможно, и я остановилась, чтобы разуться. В темноте все выглядело совсем по-другому, но я на какой-то момент перенеслась в прошлое. Вот то место, куда я приходила в день, когда встретила с Хафизом. Я закрыла глаза, думая о той юной паре, о временах бескрайних возможностей, об иных мирах, поджидающих у обочины дороги.

Когда я снова открыла глаза, то не увидела ни Джейн, ни остальных членов компании. Засунув туфли в сумку, я пожалела, что не спросила, куда мы в конце концов направлялись.

Я брела без особой цели, и вдруг мощные руки обхватили меня за талию, развернули, и я уткнулась в твердую стену груди Троя. Я почувствовала, как напряглись его мускулы, защищая меня от текущей мимо нас толпы.

– Ты в порядке?

Я изо всех сил старалась справиться с вызывающим головокружение потоком, который мчался по моим жилам. Он вернулся. Он нашел меня в этой сплошной толпе ночных теней.

– Ты нашел меня, – прошептала я.

– Ну конечно, – словно остальные варианты были невозможны.

В темноте ночи его глаза сияли как летние молнии. Я ощутила, как во мне затрепетало нечто, что мне казалось давно отмершим. Держа мою руку, он повел меня сквозь толпу.

– Куда мы идем?

– Я знаю место, – ответил он, срезая угол по парковке.

– А где остальные? – я прошла за ним мимо плотно стоящих машин на боковую аллею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.